Master Negative Storage Number

OCI00053.06

Mogila Marii

Moskva

1889

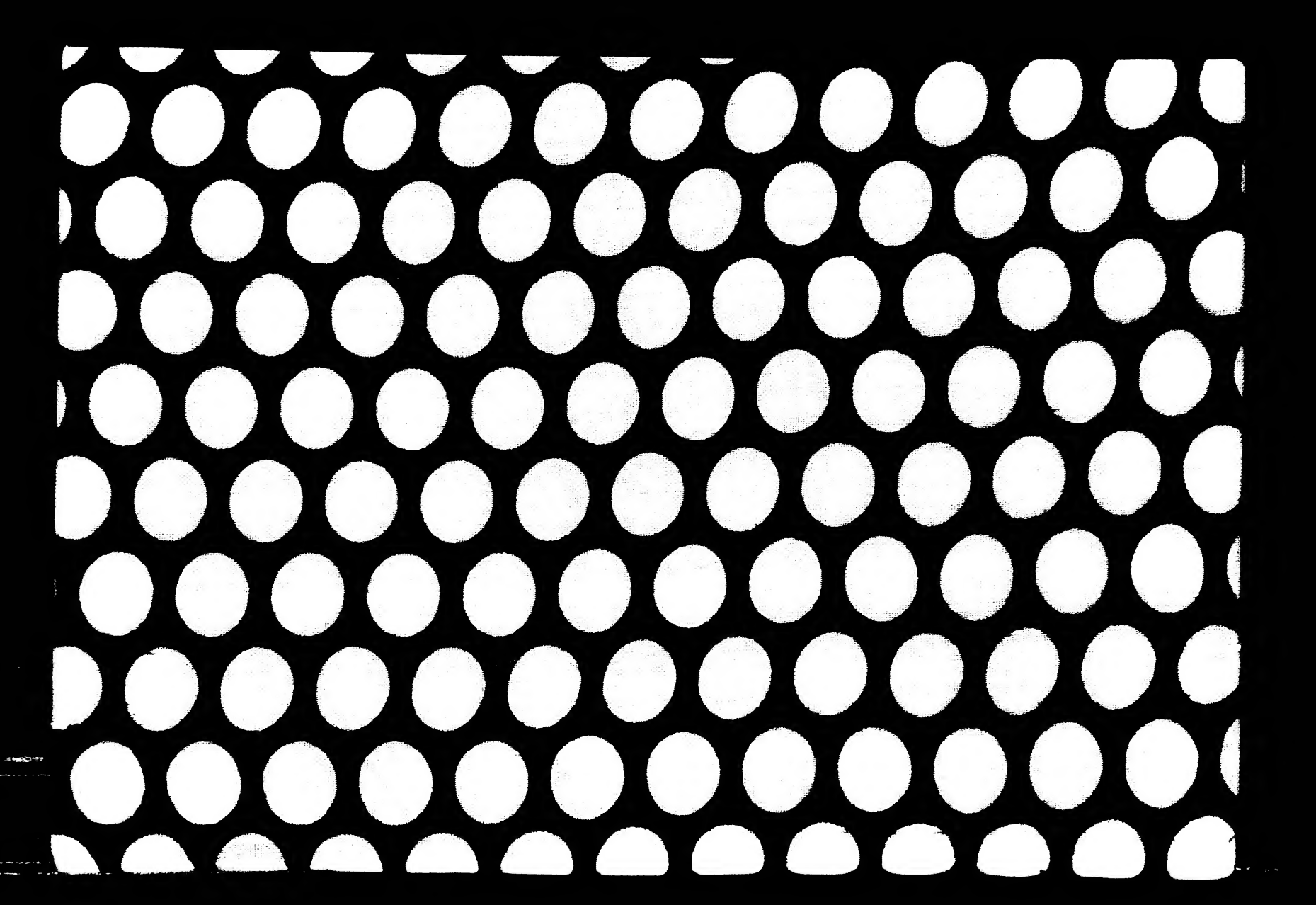
Reel: 53 Title: 6

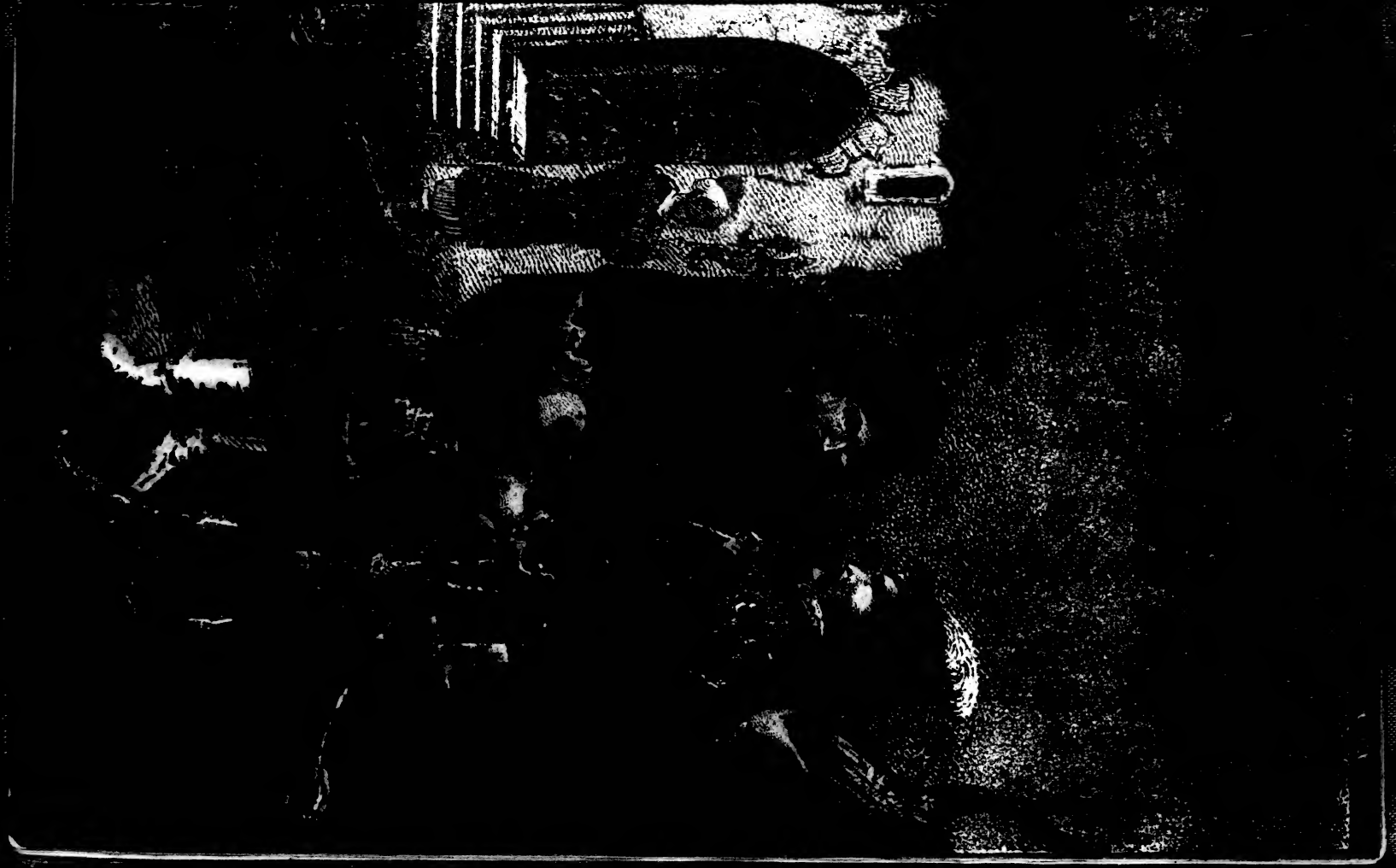
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00053.06

Control Number: BGO-3713
OCLC Number : 25171335
Call Number : W 381.5917N M724
Title : Mogila Marii : roman v dvukh chastiakh.
Edition : Izd. 6.
Imprint : Moskva : [s.n.], 1889.
Format : 2 v.in 1 (96 p.) ; 18 cm.
Note : Colored illustration on t.p.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: CT





МОГИЛА МАРІИ.

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Изданіе шестое.

W 109

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

1889.

Дозволено цензурою. Москва, сентября 22 дня 1889 года.

Тип. В. Я. Барбей. Большая Никитская, д. Черневой.

МОГИЛА МАРІИ.

ГЛАВА I.

Боярскій пиръ. — Дружескіе толки. — Нищій.

Ты звучи, моя сопа позолоченная,
Закипи бѣлой пѣной брага виппевая!..
Ты залей горе-кручинушку неразмыкапную!

Въ исходѣ XVI-го столѣтія, въ тѣ времена когда Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ на незаконно пріобрѣтенномъ престолѣ управлялъ Россіею, тяжкіе были годы для нашего отечества. Какъ неумолимый бичъ судьбы какъ нежданный вѣстникъ погибели,—опала царская угрожала почти каждому изъ бояръ.—Всѣ трепетали гнѣва царскаго и его клевретовъ, всѣ въ унынiи просили Господа о ниспосланiи избавителя въ лицѣ преемника правленiя; но Всевышнiй готовилъ Россiи еще новыя бѣдствiя, бѣдствiя народныя, испытанiя тяжкiя, чтобы въ горнилѣ скорбей, очистить сердца россiянъ и приготовить ихъ къ прочному благосостоянiю.

Въ эти смутныя времена въ одну, изъ сумрачныхъ дождливыхъ ночей іюля мѣсяца, 1598 года, по сторонѣ узкой Арбатской улицы, шли скорыми шагами два человѣка, закутанные въ охабни и прикрытые бобровыми шапками; они пробирались на Никитскую улицу и довольно тихо разговаривали между собою.

— Ну, Василій Игнатьичъ, не въ пору мы собрались! — сказалъ одинъ изъ нихъ нѣсколько повыше ростомъ и полнотнѣе другаго. Кабы знато, да вѣдано, что вдругъ такой ливень нахлынетъ, то я лучше бы пролежалъ дома, чѣмъ тащиться съ Дѣвичьяго поля! — Ближнее мѣсто!

— Ну, чтожъ дѣлать, Кирилла Кириллычъ, какая напасть что мало попромокли, за то на дружеской бесѣдѣ отведемъ душу. — Для чего жъ не уважить Трофима Михайловича? всѣхъ зовомъ-звалъ, такъ вѣрно будетъ дожидаться, сердечный!

— Охъ! . не до пировъ бы теперь, Василій Игнатьичъ, время тяжкое, того гляди еще нечистый принесетъ какого нибудь наушника; дойдетъ до Семена Никитича Годунова; а нынче опалу скорѣе себѣ жди на голову, чѣмъ эту непогоду... Охо!.. хо...

— Знакомое дѣло, почтенный. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ, — да авось сегодня-то пронесетъ Господь. — Вѣдь не мы одни будемъ у Трофима Михайловича. Найдетъ людное дѣло — такъ неужели...

— Да будетъ воля Божія! прервалъ другой: когда идемъ въ путь, то ужъ не оборачиваться.

Говоря такимъ образомъ, они подходили къ Никитскому перекрестку и, поворотя направо, пошли около цѣпи деревянныхъ домовъ по большой улицѣ. Это были московскіе бояре: Василій Сысоевъ и Кириллъ Стапахинъ, приглашенные на вечеринку къ именитому боярину Трофиму Борецкому.

Мрачная тишина царствовала по всему пространству широкой улицы. Всѣ жители были погружены въ глубокій сонъ, и только изрѣдка рай неугомонныхъ собакъ, смѣшиваясь съ стуломъ сторожей и окликомъ недѣльныхъ, нарушали общее безмолвіе.

Пройдя большую половину улицы уже въ виду кремлевской стѣны, наши путники остановились у воротъ большаго деревяннаго дома о двухъ жильяхъ, верхъ коего былъ ярко освѣщенъ; тѣни осанистыхъ головъ живо рисовались на горящихъ стеклахъ.

Стукнувши нѣсколько разъ приворотнымъ кольцомъ, гости были впущены на широкій дворъ и, въ сопровожденіи одного холопа, взошли по тесовой лѣстницѣ въ свѣтлыя сѣни, а откуда во внутреннія хоромы.

Въ широкой и красивой свѣтлицѣ съ разными косяками и карнизами, за большимъ, дубовымъ столомъ сидѣло нѣсколько бояръ московъ-

скихъ, на лицахъ коихъ видна была непринужденная, разгульная веселость русскаго быта. Тяжелыя, раззолоченныя стопы, установленныя кругомъ, наполнялись то романеею, то фряжскимъ виномъ, то медово-вишневымъ, малиновымъ-коричневымъ и яблочнымъ. Караваи сдобные, сырники подсыпанныя яйцами, стояли на серебряныхъ блюдахъ и привлекали на себя вниманіе аппетитныхъ гостей: самъ хозяинъ, Трофимъ Михайловичъ Борецкій, съ веселымъ радушіемъ угощалъ всѣхъ. Первое же мѣсто на осѣдѣ занималъ думный дьякъ Харитонъ Семеновичъ Коробовъ; далѣе подлѣ него сидѣлъ отставной кравчій временъ Іоанна Васильевича, Тимофей, Загаринъ бояринъ Власъ Друцкой Баклановъ въ необъятной толщинѣ своей занимавшій половину скамьи,—бояре: Карпъ Ожогинъ и Ларіонъ Манычевъ.

При входѣ Сысоева и Степахина въ свѣтлицу, гостепріимный хозяинъ встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями: всѣ гости засуетились, встали съ вѣжливостью и поклонились имъ.

— А! добраго здоровья, Кириллъ Кириллычъ!.. Василій Игнатьичъ!.. добро пожаловать!.. а мы было ужъ заждались дорогихъ гостей!..

— Да, заждались, заждались!.. подхватилъ Друцкой Баклановъ, поглаживая усы, небрежно окунутые въ романею.

— Прошу не взыскать, что запоздали, Трофимъ Михайлычъ, сказалъ боярин Степахинъ, садясь на показанное ему мѣсто. Мы таки и поторапливались, да дождикъ-то словно изъ ведра!.. Такой Господь послалъ, что и кости долго не высохнутъ; ну, ужъ благодать Божія!...

— И вѣстимо — благодать! подхватилъ боярин Коробовъ; ужъ мірянамъ надоѣла и засуха, а здѣсь за столомъ у Трофима Михайлыча сверху не каплетъ, такъ не о чемъ и толковать.—Пословица говоритъ: «при пирѣ, при бесѣдѣ — нѣтъ горя кручины!»

— Истинно такъ! подтвердилъ Загаринъ. Когда я былъ въ дворцовыхъ палатахъ при столѣ блаженной памяти царя Іоанна Васильевича, то онъ изволилъ меня спросить: Тимошка, о чемъ ты думаешь, когда пьешь? А я ему въ отвѣтъ: великій царь, государь ..

— Знаемъ, знаемъ, прервалъ Трофимъ Михайлычъ, ты намъ разсказывалъ объ этомъ еще на прошлой недѣлѣ раза четыре. Лучше выпей-ка, Тимофей Миронычъ, чѣмъ толковать о томъ, что слышано.

— Да, да, что слышано. подтвердилъ Друцкой-Баклановъ.

— Охо-хо! Тимофей Миронычъ, сказалъ Коробовъ, съ усмѣшкою, ударивши Загарина по плечу: — забылъ ты, дружище, поговорку: «одна рѣчь не пословица», а то все одно и на умѣ и на языкѣ вертится!

— Эхъ, полноте перекоряться, любезные, лучше наливайте полнѣе, да осушайте до дна во славу Божію. Что другъ друга учить? У всякаго свой умъ—царь въ головѣ. - Ну, гости дорогіе, за ваше здоровье!..

Стопы зазвенѣли.— Зашипѣлъ медъ коричневый въ кубкахъ серебряныхъ, легкая краска покрывала моршинистые лбы пирующихъ, а кубки и стопы продолжали ходить въ круговую.

— Ну, Трофимъ Махайлычъ, сказалъ Степахинъ осушивши кубокъ вишневаго меду— теперь хошь насильно лей.—видитъ Богъ— больше не могу!.. Да и философъ Анахарсисъ рече: Егда сидиши въ пиру, первую чашу испіеши во здравіе, вторую въ сладость, третью въ безуміе, четвертую въ бѣснованіе... Теперь ужъ не обезсудь, дорогой хозяинъ!

— Вотъ словеса премудрыя, Кириллъ Кириллычъ!.. подтвердилъ Загаринъ: эту рѣчь не одинъ разъ при столѣ говаривалъ, блаженной памяти, царь Іоаннъ Васильевичъ, тогда какъ я.

— Тогда какъ ты пилъ, Тимофей Миронычъ, а не величался за однимъ кубкомъ романси! — Полно гноить стопы-то, пріятель! Вѣдь онѣ у меня не даровыя, по нашему — поддавай какъ на каменку!

— Много довольны, Трофимъ Михайлычъ! и, такъ сахаромъ въ душу летѣло!.. закричали всѣ гости:

— Ну, а кто кушалъ до отвалу, того о лишнемъ не прошу, друзья любезные!

— Премудрое разсужденіе! вскричалъ Коробовъ, обтирая потъ съ лица ширинкою.— Вольному воля, спасенному рай! Романеи вдоволь, такъ и запивухъ не оберешься; былъ бы хлѣбъ зубы сыщутся!

— Правдивая рѣчь!.. зубы сыщутся! пробормоталъ Друцкой-Баклановъ, зѣвая.

— Ахъ, посмотри-ка!.. посмотри, Трофимъ Михайлычъ!.. вскричалъ бояринъ Манычевъ, стоявшій у окна; на небѣ мало-дѣло прояснило, я давно смотрю — и все кто-то взадъ и впередъ около воротъ ходитъ.— Пройдетъ туда и назадъ воротится.— Не отходитъ прочь, да и только.

— Неужели?.. И впрямь такъ!.. Господи Іисусе!.. кто бы это такой?..

Всѣ гости присыпали къ окну; на улицѣ около воротъ, въ самомъ дѣлѣ двигалась черная фигура и не отходила прочь отъ дому.

— Съ нами сила крестная!.. вскричалъ Сысоевъ, перекрестясь. Ужъ не клевретъ ли царскій или какой подслушникъ отъ Семена Никитича?..

— А что, долго ли до грѣха? подтвердилъ Коробовъ, дрожа отъ страха. Дивиться нечего; врагъ и горами качаетъ; а людьми,—что вѣникомъ трясетъ!.. Знаю я наушниковъ цар-

скихъ, у нихъ медъ съ языка льется, а подъ языкомъ зелье смертоносно...

— Воистину такъ!.. воскликнулъ Степахинъ ухищреніе злаго, яко зміи подъ цвѣтами.

— А если будешь удаляться отъ злыхъ, то и зло будетъ далеко отъ тебя! . прервалъ Загаринъ.— Эти слова мнѣ памятны; ихъ возгласилъ патріархъ, когда блаженный памяти царь Іоаннъ Васильевичъ изволилъ...

— Что намъ дѣлать?.. вскричалъ Степахинъ, глядя въ окно.— Пошли-ка, благословясь, Трофимъ Михайлычъ, холопей схватить этого наушника...

— Сватить!.. схватить его!.. вскричалъ Друцкой-Баклановъ, вскоча со скамьи и протирая съ просонья глаза свои.

— Нѣтъ, погодите, друзья любезные! возразилъ Трофимъ Михайлычъ Борецкій; наливайте-ка кубки да полнѣе!..

Кубки въ одну минуту были налиты.

— Да здравствуетъ нашъ царь и великій государь, Борисъ Ѳедоровичъ, на многая лѣта!.. вскричалъ громко Борецкій и осушилъ кубокъ разомъ.

— Да здравствуетъ нашъ царь, Борисъ Ѳедоровичъ!.. повторила толпа гостей и отъ крика ихъ зазвенѣли оконныя стекла...

Въ эту минуту сильный стукъ раздался у воротъ дома.

— Ну.. застучали!.. Кого это принесъ Господь-Батюшка?.. Эй! узнайте, кто стучитъ въ ворота объ эту пору?

Слуги бросились внизъ—и нѣсколько минутъ въ комнатѣ было мертвое безмолвіе.— Всѣ замолкли и ожидали съ ужасомъ конца происшествія.

— Трофимъ Михайлычъ! сказалъ наконецъ холопъ, вошедшій въ свѣтлицу; за—воротами юродивый Никита Васюкъ, весь мокрый какъ гусь, и проситъ милости у тебя обогрѣться; прикажешь ли ввести его въ холопскую?..

— Никита Васюкъ, вскричалъ Борецкій; тьфу пропасть какая!.. Экаго гостя перепугались.. Вишь, нелегкая носитъ въ какую пору.—Приведи его прямо сюда! Холопъ вышелъ.

— Я люблю этого бѣдняка, продолжалъ Борецкій; онъ иногда говоритъ такъ умно, такъ мудро, что нехотя приведетъ въ умиленіе, да я, грѣшный человѣкъ, и никому изъ нищихъ не отказываю; что въ силу, для чего не раздѣлить братіи Христовой..

— И доброе дѣло, Трофимъ Михайлычъ, сказалъ Степахинъ, — добрымъ Богъ помогаетъ—говоритъ пословица; для чего же не исподнить долгъ христіанскій?..

Между тѣмъ въ свѣтлицу вошелъ нищій, весьма страннаго вида: русые, всклокоченные волосы и борода; глаза, блестящіе огнемъ непонятнаго вдохновенія, и полурастворенный

ротъ не показывали въ немъ признаковъ безумія, а какое то неизъяснимое состояніе души.—Мокрая, выпачканная рубашка покрывала тѣло его, большой мѣдный крестъ висѣлъ на груди и босыя ноги были въ кровь исцарапаны.

— А! здравствуй Васюкъ! закричалъ хозяинъ при входѣ его въ свѣтлицу; —давно къ намъ не жаловалъ.

— Прости, дядюшка Махайлычъ, что незванный пришелъ.—Былъ у брата съ сестрой на кладбищѣ въ гостяхъ, да задержали долго, сердечные.

— То то и есть, что долго,— по гостямъ такъ поздно не разгуливаютъ.

— Поздно?... Охо, охо... дядюшка Трофимъ. Всѣ мы спозаранку чару медовую пьемъ, и все намъ рано, да рано,—а какъ пришлетъ Господь ангела за душей, такъ будетъ поздно... поздненько. — Такъ ли ребятушки?.. Что ты на меня такъ рожу-то кривишь, Мироныч?

Всѣ захохотали на Загарина, который, въ самъ дѣлѣ, скривя лице смотрѣлъ на нищаго изподлобья, а хозяинъ, наливши серебряную стопу медомъ, подалъ ему съ поклономъ

— На, выпей-ка, Васюкъ, да присядь, поговори съ нами хорошенько; полно молоть околесную!

—Выпей!... не штука выпить!... Я подъ окошкомъ слышалъ, что вы Бориса медомъ

величали. Охъ, Михайлычъ... сладко вамъ за него попивать, а каково ему, сердечному!... Ему вино, чай, отливается кровью!... Эхе!... хе!... Борисушка, нерѣдко къ тебѣ заносятъ кручину изъ Услича буйные тѣтры!...

— Полно, полно, перестань объ этомъ говорить... закричали всѣ гости; — лучше пей скорѣе что налито.

— За питьемъ дѣло не станетъ, ребята продолжалъ нищій; — да каково-то будетъ съ похмѣлья?... Охъ, Михайлычъ... заварится скоро брага на святой Руси; вся Москва будетъ пить да не выпьетъ... Или при покойномъ Иванѣ да морщились, а придетъ время, что и полынь медомъ наливать станутъ. — Ну, будь здоровъ, Михайлычъ. — Нищій осушилъ кубокъ.

— Вотъ это по нашему! сказалъ Борецкій, поставя кубокъ на столъ, присядь же теперь, Васюкъ, да скажи намъ всю правду подноготную. — Вотъ, всѣ мои гости дорогіе, именитые бояре, знаютъ, что я посватался Софьюшку за сына боярина Мстиславскаго, Владиміра Дмитрича: — какъ ты думаешь, пріятель: будутъ ли у нихъ совѣтъ да любовь: ждать ли мнѣ старику отъ дѣтей себѣ радости?...

— Радость, что младость, дядя Михайлычъ, скоро проходитъ! Будетъ хорошо, будетъ и дурно. Жди всего, да молись Богу!... А у насъ на Руси — терема высокіе, сыры-боры тем-

ные,—есть гдѣ разгуляться доброму молодцу!... Да не вѣкъ гулять, не вѣкъ тѣшиться; запоютъ и вѣчная память!... а поплакать будетъ некому!...

— Что ты говоришь, Никитушка, я себѣ ничего въ умъ не вберу,— сказалъ удивленный Борецкій. — Всѣ гости двинулись ближе къ нищему.

— Я то говорю, что Богъ велитъ, а придетъ время и сказать будетъ некому!... Ну, прощай Михайлычъ; спасибо тебѣ на сладкомъ меду да на ласковомъ словѣ.

Выговоривъ сіи слова, нищій проворно побѣжалъ изъ свѣтлицы

— Постой!... постой!... воротите его... вскричала вслѣдъ вся толпа гостей: но онъ пробѣжалъ весь дворъ и былъ уже далеко.

— Ну, Трофимъ Михайлычъ, сказалъ Степахинъ, продолжая глядѣть на дверь, въ которую вышелъ юродивый,—впервые мнѣ Богъ привелъ у тебя видѣть этого скитальца, а слава его правдивы, мудры и темны, яко тьма дубравна. Что говорить, и надъ малыми Господь являетъ славу Свою...

Но не всѣ таковы, Кириллъ Кириллычъ, возразилъ Загвринт:—есть много странныхъ и юродивыхъ, но словами ихъ говоритъ похоть мзды или прелесть дьявольская.—Недаромъ же блаженный памяти царь Іоаннъ Васильевичъ изволилъ однажды приказать...

— Чтобъ ты собирался домой... прервалъ Коробовъ, а не сидѣлъ за романеей до утренней зари: пословица говоритъ: «пей, да ума не пропей» И въ самомъ дѣлѣ, дорогой хозяинъ, заря занимается, пора ко дворамъ.

— Пора, давно пора... подтвердилъ Друцкой-Баклановъ, вставая и медленно взявши шапку свою.

Всѣ гости также начали сбираться.

— Ну, прощайте, дорогіе мои, не безсудьте, что подчивать больше нечѣмъ. Завтра моя Софьюшка соберетъ вечеринку у себя въ теремѣ, такъ ужъ вѣрно дочки ваши, дѣвицы красныя, не откажутся раздѣлить съ нею пиръ-бесѣду. Дѣвичье дѣло.

— Ваши гости, Трофимъ Михайлычъ, ваши гости...

Расцѣловавшись дружески съ хозяиномъ, вся толпа, въ сопровожденіи холопей, со свѣчами пошла изъ свѣтлицы. Распростившись еще разъ на дворѣ, всѣ вышли за широкія ворота и разбрелись по улицѣ въ разныя стороны, оставя хозяина предаться хотя нѣсколько минутъ до утра успокоенію.

ГЛАВА II.

Дѣвичій теремъ.—Потѣхи.—Пѣсни и игрища дочерей боярскихъ.

Заплетися плетень, заплетися!...
Ты завейся труба золотая!...

Ярко горѣли огни въ высокомъ теремѣ Софьи Трофимовны, дочери боярина Борецкаго. Освѣщенныя окна, открывая красоту внутреннихъ палатъ, разгоняли темноту сумрачной ночи, а разноцвѣтныя стекла широкаго средняго окна, играя лучами бросали радужныя тѣни на деревья и поляны сада окружающаго теремъ.

Внутри терема на широкой скамьѣ покрытой богатымъ ковромъ, сидѣла сама боярышня, Софья Трофимовна Борецкая; рядомъ съ нею боярскія дочери Наталья Загарина, Ѳедосья Плещеева, Анна Нелединская, Настасья Захарова, Мавра Друцкая-Бакланова и другія—числомъ

около двенадцати подругъ. Всѣ они были одѣты въ цвѣтныя шелковыя ферязи, убраны жемчугомъ и дорогими каменьями, сама же Софья Трофимовна — какъ чудесный цвѣтокъ сѣвернаго сада между полевыхъ цвѣтовъ — всѣхъ затмевала живымъ румянцемъ юности: голубые глаза, какъ лазурь небесная, съ неизъяснимой прелестью невинности и простосердечія — все было въ ней очаровательно! Богатое платье украшало привлекательныя формы, свѣтлорусая коса извивалась въ струяхъ золотой ленты; словомъ сказать — сладко было смотрѣть на этотъ дивный цвѣтокъ — утѣшеніе родной семьи своей!...

Напротивъ дочерей боярскихъ, на рѣзныхъ дубовыхъ скамьяхъ сидѣли сѣнныя дѣвушки, одѣтыя въ шелковыхъ сарафанахъ и повязкахъ самоцвѣтныхъ. Онѣ пѣли веселыя пѣсни, между тѣмъ какъ боярышни тѣшились закусками и сластями съ большаго стола, накрытаго посреди терема.

На задней сторонѣ, близъ дверей, стояли два старика, одѣтые въ смурыхъ кафтанахъ и подпершись на длинные посохи. — Это были разсказчики, ходившіе по боярскимъ домамъ, изъ самой умѣренной платы показывать свое краснорѣчіе. Они ждали только знака, чтобы начать ремесло свое

— Ну, Софья Трофимовна! не прикажешь ли ты повеличать твоего суженаго, Владиміра Дмитрича? — спросила Софью боярышня Ѳе-

досья Плещеева;—не прикажете-ли дѣвицамъ спѣть, какъ добрый молодецъ гулялъ по цвѣтнымъ лугамъ, устилалъ поля алымъ бархатомъ какъ...

— Нѣтъ, Ѳедосья Онисимовна: будетъ до поры до времени, а теперь лучше спѣть про красную весну матушку, про лазоревые цвѣтики, или ..

— Про пташку заморскую! прервала Настасья Захаровна. Не такъ ли, Софья Трофимовна?

— Вѣстимо такъ,—отвѣчала Софія; что намъ больно величать добраго молодца; пусть онъ самъ себя величаетъ, на ратномъ полѣ съ копьемъ въ рукѣ, а въ хороводѣ дѣвичьемъ краснымъ словомъ, привѣтливымъ!...

— А наша дѣвичья краса пусть будетъ въ пѣсняхъ красна! — сказала Мавра Друцкая-Бавланова съ улыбкою.

— Ну, такъ не пора ли мнѣ начинать съ дѣвицами; я запѣвать большая охотница!—При сихъ словахъ Наталья Тимофеевна Загарина подошла къ сѣннымъ дѣвушкамъ, всѣ пріосанились, и громкая пѣсня раздалась по терему.

Ахъ ты пой, распѣвай, соловей съ саду!
Ты лети, залетай во дѣвичій теремъ—
Забавляй, потѣшай красныхъ дѣвушекъ,
Спой намъ пѣсню про гостью заѣтную!...
Прилетѣла къ намъ гостья—златая весна!
Принесла намъ утѣхи и радости,—
Покрывала поля изумрудныхъ ковромъ,
Устилала луга цвѣтнымъ бархатомъ,

Какъ встрѣчали ту гостью завѣтную,
Восхваляли весну благодатную,
Во дремучемъ бору горликъ съ горлицей.
Въ терему высокомъ парень съ дѣвицей!...
Ахъ—цвѣты!... Ахъ, лазорь поднебесная!...
Вы покрылись блестящей, жемчужной росой!...
Ахъ дѣвица, краса ненаглядная,
Полюбуйся волнистою, русой косой,
Заплети ее полной лилейной рукой!...
Собрался хороводъ на широкомъ дворѣ,
Чу!... и пѣсню поютъ въ честь прекрасной веснѣ!..
Исполать тебѣ гостья желанная!...
Ты красуйся—весна благодатная!...

— Спасибо вамъ, красныя дѣвицы,—сказала Софья Борецкая, по окончаніи пѣсни,—славно вы возвеличали весну матушку, хоть она и прокатилася. Еслибъ теперь здѣсь былъ мой суженый, Владиміръ Дмитричъ, онъ бы заслушался вашей пѣсенки!...

Дѣвушки отвѣчали низкимъ поклономъ.

— Ну, теперь за вами чередъ потѣшить насъ,—продолжала Софья, обратясь къ разскащикамъ; — Самсонъ Еремѣичъ!... Нилъ Пахомычъ!... кто изъ васъ утѣшитъ бесѣду дѣвичью?

— Я, боярышня, моя очередь!—вскричалъ одинъ изъ стариковъ, прихрамывая и ощупью выходя впередъ.—Коли въ пріязнь вашей милости боярской я разскажу вамъ про царицу-лягушку, да про храбраго князя..

— Нѣтъ, нѣтъ, прервала Софья Борецкая, —лучше разскажи намъ, Самсонъ, про змѣя

Горынича, какъ онъ держалъ въ заперти царевну красавицу...

— Да, да, про змѣя Горынича!... закричали всѣ боярышни; сѣнныя дѣвушки начали перешептываться.

— Будь по вашему! Слушайте, миловидныя!.. Ужъ какъ шумитъ, какъ журчитъ рѣка быстрая, такъ льются слезы души красной дѣвицы, царевны булгардурскія земли!.. Запечаталъ ее къ терему высокомъ подколодный колдунъ, дотошный Горыничъ-змѣй. Кругомъ терема все утыканы копья острыя, а на копьяхъ тѣхъ торчатъ головы и все головы храбрыхъ витязей. Кругомъ копьевъ тѣхъ изъ огня течетъ рѣка быстрая, и въ рѣкѣ той полоскается чудный, дикій звѣрь. Изо рта его пышетъ полымя, изъ ушей его черный дымъ клубитъ!.. Не подпуститъ онъ что ни пѣшаго, не допуститъ онъ что ни коннаго: всѣхъ огнемъ палитъ...

— Полно!.. полно... Охъ, батюшки свѣты, страсть какая! закричала Софья Борецкая,— замолчи, дядя Самсонъ, мнѣ что-то ужъ жутко слушать стало!...

— Ваша воля была приказать, боярышня! сказалъ Самсонъ, и сталъ смиренно на свое мѣсто.

— И впрямь, какъ жутко!...—подтвердила Ѳедосья Плещеева,—я помню, прежде дядя

Самсонъ не такъ страшно разсказывалъ,—теперь даже сердце замерло!..

— Споемте-ка лучше пѣсню, про заморскую птицу, прервала Анна Нелединская.— Ну, усаживайтесь-ка красныя дѣвицы, да запѣвайте дружнѣе!..

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Вьется по поднебесью
Пташечка пернатая.
Плачетъ въ зеленомъ саду!
Дѣвица красавица
Ждетъ все друга милаго,
Ждетъ все ненаглядная!
Летятъ годы, мѣсяцы,
Знать онъ не воротится!
Пташечка залетная
Сѣла на ракитовъ кустъ,
Плачетъ, раскрасавица,
Слезы мочатъ бѣлу грудь!...

1-й ГОЛОСЪ.

Золотая пташечка!...
Вольная, залетная,
Издалека-дь, милая,
Въ Москвѣ бѣлокаменной?...

2-й ГОЛОСЪ.

Я лечу изъ-за моря,
Изъ-за лѣсу темнаго,
Тамъ, гдѣ рать могучая
Точитъ калены стрѣлы!

1-й ГОЛОСЪ.

Не видала-ль, пташечка,
Ты дружка сердечнаго?...
Не несешь ли вѣсточку
Съ поля богатырскаго?...

2-й ГОЛОСЪ.

Видала я витязя
Сильнаго, могучаго,
Слышала въ тиши ночной
Пѣсенки заѣтныя...

1-й ГОЛОСЪ.

Вѣрно къ милой родинѣ
Пѣсня заунывная!...

Вѣрно обо мнѣ грустятъ
Черноокій витязь мой!..

2-й ГОЛОСЪ.

Нѣтъ, дѣвица красная!...
Витязь позабылъ тебя,
Полюбилъ невѣрную,
Изъ стана татарскаго!...

— Перестаньте, дѣвицы!... перестаньте!... сказала Софья Брецкая, у которой крупная слеза висѣла на шелковой рѣсницѣ. —Вы поете такъ заунывно, что сердце разрывается: ужъ такъ жаль красну дѣвицу, будто самой такое горе пришло!

— Мало ли что въ пѣсняхъ поется, боярышня! —сказала Матрена, сѣчная дѣвушка, почтительно поклонясь въ поясъ.

— Да я не люблю того что больно жалостно, отвѣчала Софья.

— Такъ, не прикажешь ли, государыня, замолвить тебѣ прибаутку, потѣшить, позабавить твою милость?... сказалъ Пилъ Пахомовъ, выходя впередъ.—У меня есть сказаніе о чародѣйкѣ Злоядѣ, о заморскомъ султанѣ и славномъ витязѣ, что самъ съ ноготь, борода съ локоть, а въ 500 пудовъ лубинка за плечами.—Еще не въ угоду ли про Полкана-богатыря, боярышня?

— Ну, пожалуй, сказывай, только чтобъ небольно страшно.

— Смекаю, барышня! извольте слушать! — Что не вѣтры ли въ полѣ поднимаются, что не буйные ли въ чистомъ полѣ разыгралися. — разыгрался то заводскій конь, богатырскій, осанистый; гдѣ тотъ конь пробѣжитъ, тамъ земля заворожитъ, изъ ушей подымя пышетъ, а отъ гривы поднимаются пыль столбомъ!... Какъ выходитъ изъ сставки шелковой Полканъ-богатырь, какъ онъ крикнетъ громкимъ голосомъ!... какъ окинетъ богатырскимъ посвистомъ!... Вотъ тотъ конь усмиряется, на колѣни преклоняется, и садится нашъ витязь на заводскомъ конѣ, обнажаетъ свой мечъ-кладенецъ, подымаетъ копье булатъ, — и онъ скачетъ на рать силу поганую!... Гдѣ рукою махнетъ, — пятьдесятъ тысячи; обернетъ конемъ — тьмы несмѣтныя, а копьемъ тряхнетъ — поле чистое!..

— Ну, вотъ спасибо, Пахомъ, закричали всѣ боярскія дочери: — та сказка славная, не такъ страшна и забавна! Спасибо! Спасибо!

— Вотъ вамъ, добрые люди, за ваши розсказни! И Софья Борецкая дала каждому изъ разсказчиковъ по рублю. — Теперь, ступайте съ Богомъ по домамъ, а когда опять случится, васъ не минуемъ; вы такъ славно говорите, что заслушаешься!...

— Да не въ похвальбу молвить, боярышня, сказалъ Илья Пахомовъ, съ гордостію подтягивая кушакъ, — какъ мы разсказывали въ царскихъ палатахъ Ксеніи Борисовнѣ про

Полкана, до про Добрыню Никитича, такъ она изъ своихъ рукъ изволила по золотому кораблеццику пожаловать!

— Не взыщите, добрые люди: я не царевна, такъ и дакъ, что по мочи, по силѣ!

— О!... полно, государыня: и на этой милости много довольны. Да сохранитъ тебя Мать Пресвятая Богородица!...

Разскащики вышли изъ свѣтлицы.

— Ну, подруженьки, кажись, ужъ заря занимается, сказала Софья Борецкая, поглядѣвши въ окно,— споемъ ка еще пѣсенку, да и на покой пора.

— И вѣстимо ужъ время, подтвердила Плещеева;— да не все же намъ, подруженьки величать лѣто ясное, красоту свою дѣвичью, да храбрость молодецкую, велите-ка спѣть: «Ахъ, какъ по морю», эту пѣсню я страхъ какъ люблю!... Ну-те-ка швеи бѣлорукія, дружнѣе!...

Дѣвицы встали съ своихъ мѣстъ, составили кружокъ въ видѣ хоровода, и раздалась громкая пѣсня:

Ахъ, какъ по морю, какъ по синему,
Разыгралися вѣтры буйные;
Взволновалися, всколыхалися,
Въ берегахъ крутыхъ волны быстрыя!—
По волнамъ плыветъ, какъ стрѣла летитъ,
Золотой корабль съ бѣлыми парусами;
На кормѣ стоитъ, въ даль туманъ глядитъ
Призадумавшись, добрый молодецъ.—
Рулемъ правитъ самъ, говоритъ къ волнамъ:
Принесите вы, волны бурныя,
Мой корабль скорѣй къ стороне родной,

Къ молодой женѣ, къ милымъ дѣтушкамъ!—
Вотъ пришлыхъ корабль, прилетѣлъ стрѣлой,
Къ сторонѣ родной, къ дому милому,
И на радости обнимаются
Добрый молодецъ съ молодой женой!...
Что ты милый мой, ненаглядный мой,
Долго странствовалъ въ сторонѣ чужой?
На чужой землѣ позабылъ о мнѣ—
Не прислалъ письма къ молодой женѣ!...
Ахъ, подруженьки черноокія!..
Что корите меня?...
Я во всѣхъ краяхъ, и въ чужихъ земляхъ,
Все любилъ тебя—и умру любя!...
Не привезъ тебѣ я изъ-за моря
Платья цвѣтнаго, чиста золота,
Но привезъ тебѣ—святой Божій даръ—
Совѣсть чистую, любовь пылкую!—

Пѣсня кончилась, и дѣвушки заняли мѣста свои.

— Ну, спасибо вамъ, подруженьки, за бесѣду мирную, сказала Софья, обратясь къ дочерямъ боярскимъ, а васъ, дѣвушки, я награжу за пѣсни. Завтра всѣхъ одѣлю по бѣлому полотенцу и цвѣтной лентѣ изъ заповѣднаго сундука, а теперь покуда подите спать—утро вечера мудренѣе!...

Дѣвушки поклонились и вышли. Боярскія дочери, жившія по близости, пошли съ провожатыми по домамъ, а другія, оставшись ночевать, отправились въ Софьину опочивальню, чтобъ сладкому сну посвятить остатокъ ночи. Пусть осѣнятъ ихъ Морфей мечтами дѣвственнаго счастія!

ГЛАВА III.

Застольная бесѣда.—Разговоръ о незнакомкѣ.

Ее я видѣлъ въ часъ полночи.
Она мечталась мнѣ во снѣ.
И сладко... сладко было мнѣ
Глядѣть ей въ огневыя очи!...

— Гаврюша!.. посмотри!.. посмотри, что это съ лѣвой стороны валитъ какая туча народу и всѣ на конахъ!.. Кажись—стрѣльцы царскіе; а Богъ вѣсть!.. У меня глаза то больно плохи, гляди-ка хорошенько!..

Такъ говорилъ престарѣлый купецъ, Климъ Опахинъ, молодому сыну своему, сидя на скамьѣ у дверей лавки, на большой Сретенской улицѣ. Молодой парень вышелъ изъ-за прилавка и началъ смотрѣть въ ту сторону, куда показывалъ ему старикъ.

— Э! нѣтъ, батюшка, это не стрѣльцы сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія; — это, кажись, бояре!.. Ну такъ и есть! Богъ и Степанъ Ѳедоровичъ Казаринъ! Владиміръ Дмитричъ Мстиславскій!.. это они; такая ватага

слугъ за ними—и Боже упаси, видимо невидимо!.. Куда это ѣздили, вѣрно въ Сокольники потѣшаться охотой!.. Да, да, вонъ и живье къ сѣдламъ привязано. Экая удаль!..

Въ самомъ дѣлѣ: вдоль Сретенской улицы ѣхали верхами нѣсколько молодыхъ бояръ, одѣтыхъ въ короткіе зеленые кафтаны и въ собольихъ шапкахъ. У каждаго на рукѣ видно было по соколу, къ сѣдламъ привѣшено по нѣскольку мелкой дичи и борзые кони, грызя удила, играли подъ своими сѣдоками.

Впереди ѣхалъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати коего привлекательная наружность, полное румяное лицо и черные блестящіе глаза невольно заставляли любоваться имъ. Это былъ боярскій сынъ, Владиміръ Мстиславскій; рядомъ съ нимъ боярскіе же дѣти: Степанъ Ѳедорычъ Казаринъ и Николай Петровичъ Захарынъ. Въ другомъ ряду: Александръ Левашевъ, Дмитрій Захаровъ, Ѳедоръ Сокольницкій и другіе, всѣхъ около двѣнадцати бояръ. Поѣздъ замыкали нѣсколько слугъ съ ружьями, коихъ усталый видъ и покрытые пылью кафтаны показывали, что они пировали на полѣ съ бѣлаго утра.

Уже начинало смеркаться, какъ поѣздъ достигъ до угла Лубянской улицы. Здѣсь всѣ остановились. Большая толпа отдѣлилась и взяла направленіе влѣво, а оставшіеся три боярина съ тремя слугами поѣхали внизъ по

Лубянкѣ мимо церкви. Это были Владиміръ Мстиславскій и друзья его Казаринъ и Левашевъ.

— Ну, братъ, Владиміръ Дмитричъ, хоть сердись, хоть нѣтъ, а мы къ тебѣ на закуску, сказалъ Левашевъ. — Какъ хочешь: радъ или не радъ, а угощай незванныхъ гостей на перепутьѣ!

— Да, пріятель, ужъ какъ хочешь, развертывайся! прервалъ Казаринъ. — Ты у насъ женихъ, а мы начинъ дѣла и водой еще не спрыскивали. Разбивай-ка, дружокъ, непочатую бочку меду шипучаго!

— Милости прошу, друзья, любезные... У меня для пріятелей нѣтъ ничего завѣтнаго; что есть въ печи, все на столъ мечи!

Между тѣмъ, проѣхавши внизъ мимо Введенія, наши друзья поворотили направо и, миновавши дома два, въѣхали въ широкія ворота высокихъ хоромъ боярина Мстиславскаго. Отдавши конюхамъ лошадей, а сокольничьему соколовъ, и узнавъ отъ холопей, что старый боринъ легъ отдыхать, — чтобы не безпокоить его, Владиміръ повелъ гостей своихъ въ сторонюю свѣтлицу и тамъ, въ одну минуту, на дубовомъ столѣ появились каравай сдобные, вино фряжское, медъ гвоздичный и малиновый.

— Нуте-ка, благопріятели, прошу выпить, на здоровье по охотничьей чаркѣ! сказалъ Владиміръ, вспѣнивая брагой кубки серебряные.

— Будь здоровъ и счастливъ, Владиміръ Дмитричъ съ нареченной невѣстой! вскричалъ Левашевъ за одинъ духъ опорожнивши кубокъ.

— Здоровъ, счастливъ и веселъ, какъ пташка залетная! прибавилъ Казаринъ. — А то мнѣ какъ-то сдается, словно какой туманъ у тебя на сердцѣ. Женихи гуляютъ пріѣзжаючи, а на тебя, кажись, часто черный воронъ навѣваетъ крыломъ.

— Ужъ и я тожъ скажу, Владиміръ Дмитричъ! прибавилъ Левашевъ, — что-за причина? Вотъ уже двѣ недѣли тебя помолвили, скоро будетъ дѣвишникъ, тутъ бы иной прыгалъ съ радости, а ты и въ дружескомъ пиру часто думу думаешь. По сердцу ли полно тебѣ невѣста твоя? У Трофима Борецкаго, кажись, дочь, прекрасная и разумная. Много молодцовъ сохли по ней, много пѣли про ея очи лазуревыя.

Владиміръ молчалъ; тайная грусть видна была на лицѣ его.

— Ахъ, товарищи! — сказалъ онъ наконецъ, тяжело вздохнувши; — нѣтъ у меня друзей радушнѣе васъ, не съ кѣмъ мнѣ, какъ съ вами, размыкать горе кручину! Послушайте-жъ; я открою вамъ всю грусть мою, и облегчу мою душу убитую!... Прекрасна дочь боярина Борецкаго, много благодаренъ я батюшкѣ, что онъ избралъ мнѣ ее въ подруги и кажись весь вѣкъ, изъ за такой радости я благода-

рилъ бы Господа за Его милость—но Ему же Правосудному, угодно было наказать меня искушеніемъ.—Ахъ, Александръ Игнатьичъ!.. Степанъ Ѳедоровичъ!... не укоряйте меня и не дивуйтесь, что услышите!—Не въ память ли вамъ въ прошломъ году день Преполовенія Господня, тотъ ясный день, какого еще во всю прошлую весну не бывало?—Въ этотъ самый день когда я, отстоявши божественную службу, пошелъ вмѣстѣ съ народомъ за крестами на воду и остановился на кремлевскомъ валу—гляжу: по-одаль отъ меня стоитъ молодая дѣвица, такая прекрасная, что все бы глядѣлъ на нее; одѣта она въ богатое парчевое платье, но голова изукрашена совсѣмъ на такъ, какъ у насъ убираются дочери боярскія. Глубоко закрались мнѣ въ душу черныя очи ея, но поглядѣвши пристальнѣе, и видя, что она одна съ какимъ-то холопомъ, обшитымъ въ позолоту, я съ диву дался. У насъ на Руси нѣтъ обычая пускать дочерей боярскихъ безъ отца, безъ матери, а эта—одна-одинехонька. Долго глядѣлъ я на нее и она съ меня глазъ неспускаетъ! Пошли со крестами, дѣвица глядитъ любопытно, а не молится на святыя иконы. Вотъ тутъ и догадался я, что она не крещеная. Вѣрно жена какого-нибудь стрѣльца нѣмецкаго, подумалъ про себя, много ихъ служитъ у нашего царя Бориса Ѳедоровича. Отворотясь, я началъ молиться и когда кресты

прошли — ея ужъ не было. Я помолясь воротился домой, и съ тѣхъ поръ дѣвица иноземная никогда было мнѣ не приходила въ голову...

— Позволь перебить рѣчь твою, Владиміръ Дмитричъ, — сказалъ Казаринъ — и я видѣлъ на гульбищѣ около Балчуга эту некрещеную красавицу въ зеленой колымагѣ на лихихъ коняхъ; ее знаетъ нѣмецъ Маржеретъ, что служитъ у царя; онъ говоритъ, что она дочь нѣмецкаго или какого-то литовскаго боярина; вишь — дѣвица богатая, пріѣхала недавно въ землю Русскую, живетъ гдѣ-то подъ Москвой и рѣдко навѣщаетъ городъ.

— Можетъ статься, любезные, но вотъ слушайте: такъ я было и забылъ совсѣмъ ту красавицу, какъ вотъ съ недѣлю тому назадъ, кажись, въ самый Сергіевъ день, иду я въ Кремль изъ дому, вдругъ ѣдетъ изъ Кремля богатый рыдванъ цугомъ, я поровнялся, гляжу — и чтожъ, товарищи?...

— Ужъ вѣрно въ рыдванѣ эта красавица!.. подхватилъ Левашевъ, кому жъ быть больше?

— Ахъ... она, мои любезные, — разодѣта богаче прежняго, и рядомъ съ ней молодой пригожій парень, лѣтъ этакъ двадцати. — Я не помню, что со мной сдѣлалось, когда я взглянулъ на нее; она же поглядѣла на меня такъ печально и такъ умильно, что сердце едва не разорвалось на части. — Рыдванъ про-

ѣхалъ, а я не зналъ что дѣлать: идти ли въ Кремль или бѣжать вслѣдъ за нимъ.—Ахъ, любезные... этотъ послѣдній взглядъ такъ взволновалъ всю душу мою. Чувствую, что тяжкій грѣхъ любить иновѣрную, знаю, что святой законъ велитъ мнѣ любить мою суженую, не совладѣть съ собой не умѣю.—Стану молиться — слезы текутъ градомъ, а на умѣ не молитва—все она, неразгаданная... И наяву днемъ, и во снѣ — темной ночью, вездѣ вижу черныя очи ея, ея укоръ и улыбку горькую!.. Видно, я прогнѣвалъ Господа друзья любезные!

— Молись больше Ему, Милосердому, Владиміръ Дмитричъ! сказалъ Левашевъ, посмотрѣвши съ сожалѣніемъ на Мстиславскаго — призывай въ помощь Богородицу. Она пошлетъ тебѣ добрый духъ на молитвѣ и умиленіе души. Не худо бы тебѣ отслужить молебенъ образу Владычицы «Уголи моя печали.»

— Не тужи, все Богъ пронесетъ! прибавилъ Казаринъ. Лишь бы тебѣ еще не увидать ее, а то время пройдетъ и опять забудется!

— Ахъ, нѣтъ, любезные!.. едва ли теперь я забуду ее!.. Вчера вечеромъ встрѣтился со мной юродивый странникъ, Никита Васюкъ, котораго вы знаете, схватилъ меня за полу и сказалъ, что будетъ мнѣ бѣда неминуемая отъ

черныхъ очей. — А тетушка Анисья Засимовна Кудашева совѣтуетъ сходить къ одному старцу, что живетъ въ трехъ верстахъ за лѣсъ Сокольничій. Я давно слышалъ про него; говорятъ, этотъ отецъ Анофрій — мудрый человѣкъ вишь — знаетъ все подноготное, кому совѣтъ дастъ, кого утѣшитъ, а другому все будущее разскажетъ по пальцамъ. Видно — придется у него просить помощи.

— Чтожъ, съѣзди, Владиміръ Дмитричъ. Мудрые люди говорятъ Духомъ Божіимъ: можетъ быть онъ исцѣлитъ твою рану сердечную!

— Дай-то Господи, сказалъ Владиміръ со вздохомъ.

— Хорошо, что онъ живетъ не больно далеко отъ Сокольничьяго бора, а то за пятнадцать верстъ подальше, въ сосновомъ лѣсу, какъ грибовъ — развелось вольницы — Намедни растовскіе купцы объ нихъ разсказывали вишь: большая ватага; грабятъ безъ пощады, а атаманъ то ихъ такъ страшно прозывается, что прости Господи, грѣхъ и выговорить!... При сихъ словахъ Левашевъ перекрестился.

— Какъ же онъ прозывается? спросилъ Мстиславскій. — Ну, ужъ, выговори для друга, Александръ Игнатьичъ!

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

ѣхалъ, а я не зналъ что дѣлать: идти ли въ Кремль или бѣжать вслѣдъ за нимъ.—Ахъ, любезные... этотъ послѣдній взглядъ такъ взволновалъ всю душу мою. Чувствую, что тяжкій грѣхъ любить иновѣрную, знаю, что святой законъ велитъ мнѣ любить мою суженую, не совладѣть съ собой не умѣю.—Стану молиться — слезы текутъ градомъ, а на умѣ не молитва—все она, неразгаданная... И наяву днемъ, и во снѣ — темной ночью, вездѣ вижу черныя очи ея, ея укоръ и улыбку горькую!.. Видно, я прогнѣвалъ Господа друзья любезные!

— Молись больше Ему, Милосердому, Владиміръ Дмитричъ! сказалъ Левашевъ, посмотрѣвши съ сожалѣніемъ на Мстиславскаго — призывай въ помощь Богородицу. Она пошлетъ тебѣ добрый духъ на молитвѣ и умиленіе души. Не худо бы тебѣ отслужить молебенъ образу Владычицы «Уголи моя печали.»

— Не тужи, все Богъ пронесетъ! прибавилъ Казаринъ. Лишь бы тебѣ еще не увидать ее, а то время пройдетъ и опять забудется!

— Ахъ, нѣтъ, любезные!.. едва ли теперь я забуду ее!.. Вчера вечеромъ встрѣтился со мной юродивый странникъ, Никита Васюкъ, котораго вы знаете, схватилъ меня за полу и сказалъ, что будетъ мнѣ бѣда неминуемая отъ

черныхъ очей.—А тетушка Анисья Засимовна Кудашева совѣтуетъ сходить къ одному старцу, что живетъ въ трехъ верстахъ за лѣсъ Сокольничій. Я давно слышалъ про него; говорятъ, этотъ отецъ Анофрій—мудрый человѣкъ вишь—знаетъ все подноготное, кому совѣтъ дастъ, кого утѣшитъ, а другому все будущее разскажетъ по пальцамъ. Видно—придется у него просить помощи.

— Чтожъ, съѣзди, Владиміръ Дмитричъ. Мудрые люди говорятъ Духомъ Божіимъ: можетъ быть онъ исцѣлитъ твою рану сердечную!

— Дай-то Господи, сказалъ Владиміръ со вздохомъ.

— Хорошо, что онъ живетъ не больно далеко отъ Сокольничьяго бора, а то за пятнадцать верстъ подальше, въ сосновомъ лѣсу, какъ грибовъ—развелось вольницы —Намедни растовскіе купцы объ нихъ разсказывали вишь: большая ватага; грабятъ безъ пощады, а атаманъ то ихъ такъ страшно прозывается, что прости Господи, грѣхъ и выговорить!... При сихъ сдовахъ Левашевъ перекрестился.

— Какъ же онъ прозывается? спросилъ Мстиславскій.—Ну, ужъ, выговори для друга, Александръ Игнатьичъ!

— Охъ, прости мое согрѣшеніе!... Вишь онъ прозывается Чортовъ Усъ!..

— Чертовъ Усъ?.. повторили оба собесѣдника? скочивъ со скамеекъ и начали креститься.

— Онъ, трясись надъ нимъ окаяннымъ!... Дай Богъ и въ вѣкъ не поймать его.... сказалъ Владиміръ, едва опомнясь отъ удивленія.

— Ужъ подлинно и прозвище умѣлъ выбрать поганецъ! сказалъ Казаринъ. Да полно, что объ немъ толковать, товарищи. Ну, опять затуманился, Владиміръ Дмитричъ; наливай-ка лучше своимъ гостямъ, вѣдь мы у тебя гости незванные.

Владиміръ налилъ кубки душистымъ медомъ, попойка началась. — По мѣрѣ наполненія желудковъ опустошались стопы; каравай началъ крошиться подъ острымъ ножемъ, и по русски, забывши горе-кручину, наша молодежь бражничала до полуночи.

ГЛАВА IV.

Пустыня отца Анофрія.—Неожиданная прелестница.

Вездѣ *она* за мной какъ тѣнь
Какъ метеоръ, какъ духъ незримый

Какъ грозный исполинъ, угрюмый сторожъ минувшихъ лѣсовъ, назадъ тому два столѣтія чернѣлъ дремучій лѣсъ на этомъ самомъ мѣстѣ гдѣ Нынѣ Сокольническая роща—свидѣтельница разгульныхъ пировъ московскихъ жителей, ищущихъ прохлады отъ вѣчной духоты и городскаго шума. Столѣтніе дубы, тополя и развѣсистыя сосны, разстилая непроницаемую тѣнь по всей окружности бора, простиравшагося на нѣсколько верстъ, приглашали туда безстрашныхъ любителей охоты и понынѣ можно еще заѣтить кой-гдѣ нѣкоторую тѣнь бывшаго могущества природы въ этой сторонѣ окрестностей замосковскихъ.

Здѣсь то, по опушку непроходимаго лѣса, ѣхалъ часа черезъ два за полдень Владиміръ Мстиславскій. Погода съ утра была пасмурная; мелкій но частый дождь шелъ въ про-

должении цѣлой ночи и хотя днемъ переставалъ, но сѣрые облака бродили по небу, и все предвѣщало продолжительное ненастье. Слѣдуя направленію лѣса и, наконецъ миновавъ его, Владиміръ выѣхалъ на поле, покрытое мелкимъ березовымъ кустарникомъ и, послѣ утомительнаго неудобнаго переѣзда черезъ канавы, рвы и кочки, часа черезъ два достигъ до небольшой луговины, которую снова замыкалъ дремучій лѣсъ, и въ этомъ-то лѣсу, по разсказамъ, должна была находится пустыня старца Аноѳрія.

Хотя близское разстояніе отъ Москвы и дѣлало эту сторону извѣстною большей части московскихъ обителей, но Владиміръ, проведя свое младенчество и начало юности въ дому родительскомъ и не выѣзжая никуда изъ дома, какъ развѣ изрѣдка на охоту, почиталъ эти мѣста для себя совершенно новыми. — Оглядываясь кругомъ, чтобы узнать отъ кого нибудь, гдѣ находится пустынька, и не примѣтя ни одного человѣка, онъ рѣшился ѣхать по широкой тропинкѣ, просѣченной въ срединѣ лѣса. Дико и угрюмо было въ сумрачной чащѣ: множество сухаго хвороста, набросаннаго вдоль тропы, препятствовало успѣшной ѣздѣ и изрѣдка волчьи ямы перерѣзывали дорогу; наконецъ, послѣ получаса ѣзды, тропинка сдѣлалась гораздо свободнѣе; зеленая по-

ляна открылась передъ глазами, и на концѣ ея видна была небольшая хижина, осыпанная сверху землею, съ узкимъ окномъ и чрезвычайно низкой дверью. Деревянный крестъ былъ водруженъ на верху, и широкая скамья близъ дверей приглашала къ отдохновенію усталаго путешественника.

Подъѣзжая ближе къ пустынѣ Владиміръ слѣзъ съ лошади и, привязавши ее къ дверямъ, никакого признака живущихъ не было видно и только тусклый блескъ лампады въ окнѣ удостовѣрилъ его въ пребываніи пустынника.

Подождавъ нѣсколько минутъ, онъ рѣшился постучаться; на стукъ его изъ другаго боковаго отверстія, похожаго на дверь, вылѣзъ бѣлокурый, плотный собою мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ короткомъ сермяжномъ кафтанѣ.

— Что тебѣ надобно, честной господинъ? спросилъ малютка, почтительно поклонясь Мстиславскому.

— Могу-ли я говорить со старцемъ о Христѣ, отцемъ Аноффіемъ и получить отъ него доброе слово?

— Нѣтъ, бояринъ, онъ другой день лежитъ въ недугѣ и никого къ себѣ не принимаетъ — иди съ миромъ въ путь свой!..

— Не принимаетъ!.. Но по крайней мѣрѣ нѣтъ-ли гдѣ нибудь мѣста обогрѣться отъ сырости и отдохнуть съ дороги?

— А вотъ, бояринъ, поѣзжай прямо отъ дверей и повороти направо, тутъ увидишь бесѣдку для прохожихъ и отдыхай, сколько тебѣ будетъ надо!.. Сказавъ сіи слова мальчикъ опять ушелъ во внутренность хижины и мертвая тишина снова водворилась кругомъ.

Пошелъ проливной дождь. — Владиміръ, огорченный неудачею поѣздки, отвязавъ свою лошадь, пошелъ искать описанной бесѣдки и, отойдя около пятидесяти шаговъ, вправо за кустами, увидѣлъ навѣсъ на четырехъ столбахъ, съ дощатымъ поломъ и широкими скамьями кругомъ.

Расположась отдохнуть подъ этой защитой отъ дождя, онъ прилегъ, положа себѣ подъ голову охабень, но не прошло получаса какъ шумный говоръ двухъ голосовъ раздался въ лѣсу не подалеку самой бесѣдки. Изъ-ка кустовъ показалось что-то бѣлое, оно все приближалось и... о, удивленіе!.. юная таинственная незнакомка явилась передъ глазами изумленнаго Владиміра. Она была одѣта въ бѣлое бархатное платье польскаго покроя, которое съ неизъяснимою прелестью охватывало гибкій станъ ея, головной уборъ, серебряное покрывало и черные густые локоны до плечъ,

еще болѣе увеличивали красоту лилейнаго лица.— Въ нѣкоторомъ отдаленіи за нею слѣдовалъ служитель, вооруженный карабиномъ и двумя кинжалами, онъ велъ подъ узцы двухъ лошадей, коихъ сѣдла и сбруя удивляли своей отдѣлкою.

— Боже милостивый!.. и здѣсь ты меня наказуешь искушеніями!.. вскричалъ Мстиславскій, увидя незнакомку, и остановился, какъ окаменѣлый; между тѣмъ она безъ всякаго замѣшательства подходила все ближе, потомъ сѣла на скамью напротивъ Владиміра и пожирала пламенными взорами оцѣпенѣвшаго юношу.

Наступило безмолвіе какъ въ могилѣ.

— Позволь спросить тебя, молодой человѣкъ,— сказала наконецъ незнакомка рѣшась прервать молчаніе. — Ты житель здѣшней стороны, завлеченъ сюда по какому нибудь случаю?

Мстиславскій. Я московскій житель, пріѣхалъ испросить совѣта отъ старца о Христѣ отца Анофрія.

Незнакомка. Испросить совѣтъ?—Слѣдовательно цѣль твоя съ моей одинакова и ты вѣрно не откажешься, благородный боярин, указать мнѣ дорогу къ его пустынькѣ?

Мстиславскій. Съ охотою. — Она близехонько отсюда, только жаль, что пустынникъ боленъ и къ себѣ не допускаетъ.

Незнакомка. Недопускаетъ?... О, *Panna-Magdalena*!... стало быть, я ѣздила напрасну и не увижу его! — Но я увидала... сказала она тихо, положа руку на грудь, и блуждающій взоръ ея остановился на разордѣвшихся щекахъ юноши.

Мертвое молчаніе.

— Позволь замѣтить, молодой бояринъ — начала опять незнакомка — лице твое мнѣ очень извѣстно. Такъ я видѣла тебя!... Но, можетъ быть, въ толпѣ народной ты не замѣтилъ чужестранной дѣвушки?

— Нѣтъ... я .. я также видѣлъ тебя, — отвѣчалъ Мстиславскій застѣнчиво и всегда... удивлялся красотѣ твоей! — прибавилъ онъ, съ большимъ замѣшательствомъ; отъ котораго алый румянецъ ярче вспыхнулъ на щекахъ его.

— Красотѣ моей!.. повторила незнакомка съ пріятной улыбкою. — Ахъ, юноша!.. еслибъ ты былъ мой соотечественникъ, я почла бы за сладкую лесть отзывъ твой, но ты — русскій и я не знаю, какъ заключить о словахъ твоихъ.

Опять молчаніе.

— Прости любопытству женщины, — продолжала незнакомка, — если можно, позволь узнать имя твое, благородный юноша?

— Мое имя? Меня зовутъ Владиміръ, сынъ боярина Дмитрія Мстиславскаго.

— Сынъ боярина Мстиславскаго?.. Ахъ, я много слыхала объ отцѣ твоемъ; онъ въ немилости у царя, но вѣрный сынъ своего отечества!

— Не онъ одинъ, но каждый изъ насъ. — Мы — русскіе, какъ же не любить намъ святую Русь?

— Позволь еще спросить, Владиміръ Дмитричъ, сколько тебѣ лѣтъ отъ роду?.. сказала незнакомка, всматриваясь въ него еще съ большимъ вниманіемъ и пріятностью.

— Наступилъ двадцать первый со дня равноапостольнаго князя Владиміра.

— Только двадцать лѣтъ!.. И въ такой цвѣтущей юности столько ума и любви къ отечеству!.. Я надѣюсь, Владиміръ Дмитричъ, — продолжала незнакомка, подошедши къ Мстиславскому и съ непринужденною ловкостію взявши его за руку; — Я надѣюсь, что ты не откажешься иногда раздѣлить часы досуга съ

Маріею, дочерью пана Блондовскаго. Мнѣ, какъ одинокой сиротѣ, перенесенной вдаль отъ родины на холодный сѣверъ вашъ, будетъ счастіемъ бесѣда храбраго русскаго юноши.

Владиміръ сдѣлалъ наклоненіе головою въ знакъ согласія и молчалъ.

— Время ужъ склоняется къ вечеру;— продолжала Марія Блондовская — мрачныя тучи, кажется, для того только немного разсѣялись, чтобъ на югѣ собраться и разразиться своей силою. Владиміръ Дмитричъ вѣрно не откажется осчастливить своимъ посѣщеніемъ уединенный теремъ и успокоиться въ домѣ панны Блондовской! . Путь недалекъ, Владиміръ Дмитричъ! ты вѣрно поѣдешь со мной!..

— Мнѣ ѣхать съ тобой, прекрасная дѣвица?... вскричалъ удивленный Владиміръ.— Ахъ! нѣтъ!.. я ни какъ не могу.

— Ты не можешь!... А!... гордый бояринъ, я понимаю тебя: ты презираешь бѣдную Марію!... Ты, можетъ быть, презираешь въ лицѣ моемъ всю нашу націю!... Прости Владиміръ Дмитричъ, прости, хоть чужеземной, но благородной дѣвицѣ за то, что она обидѣла тебя такимъ предложеніемъ!— При сихъ

словамъ ярко запылали щеки Маріи и горькая слеза украдкой скатилась на волнистые локоны.

Владиміръ не могъ выговорить ни слова, сильная борьба души выражалась въ чертахъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ!... ты не пренебрегаешь бѣдной дѣвушкой; — продолжала Марія, съ нѣжностью взявши снова руку его — ты благороденъ!... ты русскій! Владиміръ Мстиславскій, вѣрно не обидитъ отказомъ пріютъ панны Маріи, а терема мои увидятъ въ стѣнахъ своихъ московскаго гостя — Эй, Броцкій, подавай коней!... мы ѣдемъ.

Тотчасъ лошади были поданы и Марія повела за руку, изъ-подъ навѣса, пылающаго юношу. Какъ описать состояніе души его!... Радость, восторгъ, угрызеніе совѣсти и какой-то непонятный ужасъ, поперемѣнно волновали чувства его — Непостижимый огонь пробѣгалъ по всѣмъ жиламъ. — Долгъ и разсудокъ, какъ слабые отголоски, заглушаемые порывами бури, издалека кричали ему: бѣги отсюда, несчастный юноша!... Но огневой очаровательный взоръ Маріи приковывалъ къ себѣ съ неизъяснимой силою. Безотвѣтный, не въ состояніи будучи противиться собственному вле-

ченію, онъ повиновался юной красавицѣ, обворожившей его свободнымъ обращеніемъ. Сильно билось сердце отъ восторга и опасенія; наконецъ, сѣвши на лошадь, онъ отправился съ прекрасной панной въ сопровожденіи слуги, по узкой тропѣ, ведущей къ Сокольничьему бору.

ГЛАВА V.

Геремъ Маріи.—Серенада.—Признаніе въ любви.

О юность, юность!.. кто тебѣ?
Не посвятилъ любви завѣтной?...

Уже ночной мракъ началъ ложиться по окрестностямъ. Оставя вправѣ непроходимый боръ сокольничій, наши молодые собесѣдники продолжали путь свой по полямъ, пересѣкаемымъ изрѣдка перелѣсками, и наконецъ дикое мѣстоположеніе открылось передъ глазами ихъ. Обойдя огромное непроходимое болото и нѣсколько ямъ, наполненныхъ водою, дремучій лѣсъ, нисколько не уступающій Сокольничьему, какъ угрюмый великанъ, бросалъ страшную черную тѣнь свою далеко на окружныя долины. Высокая трава, волнуемая подобно зеленѣющему океану, доказывала вообще жирную и болотистую почву. Миновавъ эти водянистые луга, Марія Блондовская наконецъ въѣхала въ лѣсъ, въ которомъ, по

словамъ ея, былъ завѣтный пріютъ уединенія.

И дѣйствительно, проѣхавши около версты непроницаемой глушью, по тропамъ, повидимому, довольно извѣстнымъ обитательницѣ, какъ бы нѣкоторымъ чудомъ, довольно красивый и ярко освѣщенный домъ явился среди прорубленной поляны. — Верхній фасадъ и парадныя сѣни дома были украшены польскими гербами; узкая канава съ прочнымъ мостомъ облегла кругомъ; а къ одной сторонѣ примыкалъ небольшой прудъ, осѣняемый куртинами насаженной черемухи.

— Вотъ мой уединенный теремъ... сказала панна Марія, когда они переѣзжали мостъ. — Не правда-ли, Мстиславскій, что въ теченіи одного года я довольно успѣла украсить его, и хоть у меня не найдешь ни пышности, ни богатства, но я надѣюсь угостить и успокоить дорогаго гостя.

Владиміръ все осматривалъ съ удивленіемъ, и видя разность постройки и украшеній отъ домовъ обыкновенныхъ русскихъ бояръ, призналъ руку чужеземнаго художника. Но вотъ они подъѣхали къ крыльцу, служитель принялъ лошадей, и панна Марія, взявши за руки своего гостя, повела его вверхъ по красивой лѣстницѣ.

Пройдя ярко освѣщенныя сѣни, они вошли въ большую залу, увѣшанную портретами, а оттуда въ другую, которая убранствомъ пре

восходила первую. Нѣсколько креселъ и канапе были обиты парчею, столы покрыты бархотомъ и персидскіе разноцвѣтные ковры разстилались по полу.

При входѣ въ эту богатую комнату встрѣтилъ ихъ мололой человѣкъ въ короткомъ желтомъ бархатномъ полукафтанье и почтительно поклонился Владиміру.

— Привѣствую тебя, Владиміръ Дмитричъ въ моемъ теремѣ,—сказала панна Марія—а вотъ прошу любить и моего юнаго брата, Владислава,—прибавила она, подводя за руку молодаго человѣка. —Это послѣдняя отрасль нашей именитой фамиліи это цвѣтокъ съ самой весны сорванный буреюяи брошенный въ безпріютный край чужбины.

Мстиславскій обнялъ юнаго Владислава и по приглашенію панны Маріи, сѣлъ рядомъ съ ней на канапе, у окна, осѣняемаго садовой куртиною. Нѣсколько времени продолжалось молчаніе.

— Тебѣ, я думаю, кажется страннымъ Владиміръ Дмитричъ, начала наконецъ Марія я чаю, ты удивляешься, что чужеземная поль ская панна, оставя свою родину, к должна бы для меня быть милѣе всего в

прибѣгнула подъ защиту вашего сѣвернаго неба, рѣшилась видѣть непроходимые снѣга ваши, скрываться въ глуши темнаго бора и на самой порѣ жизни—уединеніе предпочесть шумному обществу, которымъ съ дѣтства бываютъ окружены всѣ молодыя благородныя дѣвицы польской націи. Это вѣрно тебя удивляетъ, не правда ли, бояринъ Мстиславскій?..

— Кто можетъ узнать чужое горе и чужую участь? отвѣчалъ Владиміръ—Для меня не диво, панна Марія что ты полюбила нашу прекрасную Русь и промѣняла на нее свою родину но я дивлюсь, почему братецъ твой въ такой младости не ищетъ себѣ коня и копья—Много чужестранныхъ бояръ изъ всѣхъ нѣмецкихъ странъ *) служатъ у насъ въ дружинахъ царя Бориса Ѳедоровича; много получаютъ мзды и царской милости, для твоего брата также было бы мѣсто.

— Для моего брата... Ахъ Владиміръ Дмитричъ!.. еслибъ ты былъ невинный изгнанникъ изъ своего отечества, еслибъ на родинѣ отказали тебѣ во всѣхъ блестящихъ надеждахъ твоего возраста, лежало ли бы у тебя сердце служить царю иноземному? Нѣтъ!.. ежели ему отказано въ славѣ и почестяхъ своего отече-

*)Русскіе того вѣка называли обыкновенно всѣхъ чужестранцевъ *нѣмцами*.

ства, пусть въ неизвѣстности протечетъ вся юность его!

— Вы—изгнанники, повторилъ Владиміръ со вздохомъ. И такъ не у насъ однихъ постигаетъ безвинныхъ опала царская!..

— Ахъ... вездѣ есть злодѣи, Владиміръ!.. въ цѣломъ мірѣ, если разсматривать людей, найдешь тяжелую цѣпь предательства, лжи и ненависти. Если бы ты узналъ всѣ несчастія нашего семейства о!... ты вѣрно оплакалъ бы нашу участь. Отецъ мой, Леонъ Блондовскій въ 1567 году исправлялъ значительныя государственныя должности при дворѣ Сигизмунда, та же блестящая участь готовилась и сыну его, но прочно ли на землѣ счастіе?.. Клевета и происки пана Жолкѣвскаго и Вишневецкихъ, съ помощію пронырливыхъ патеровъ *) удалили его отъ двора. Князья Потоцкіе держали нашу сторону. Онъ не перенесъ удара и скончался на рукахъ моихъ. Насъ, сирыхъ безпріютныхъ, лишили имѣнія, изгнали изъ отечества, матушка, добрая моя матушка, на самомъ пути оставила юную, несчастную дочь свою. Уединенный крестъ осѣняетъ могилу ея въ окрестностяхъ Минска. Мы съ братомъ остались одни жертвою нашей участи, только вотъ эти

*) Здѣсь говорится о польскихъ іезуитахъ.

TIGHT BINDING

двое вѣрныхъ слугъ родителя рѣшились вс
слѣдовать за нами въ изгнаніи. Жестокая б
ность угрожала намъ, но по благоразу
батюшки хранились для насъ три милл
злотыхъ у старшины Львовскаго. Другъ по
наго родителя возвратитъ намъ его наслѣ
мы пріѣхали сюда. Здѣсь уединеніе и неизвѣ
ность — все наше счастіе! У насъ много зол
но нѣтъ друзей, съ кѣмъ бы раздѣлить
нѣтъ душевнаго спокойствія...

— Перестань, панна Марія!.. прервалъ В
диміръ, тронутый до глубины души ея нес
стіями — перестань надрывать сердце кручин
есть Богъ! Онъ видитъ и облегчаетъ суд
нашу. Для чегожъ и тебѣ снова не надѣя
ся на счастье?

— Счастья?.. такъ!.. я бы могла быть
стлива, сказала Марія, бросивши пламен
взоръ на Владиміра, — но злодѣйство превози
ло. Почтенный старецъ... Но нѣтъ! нѣт
оставимъ говорить объ этомъ. Я и забы
что дорогой мой гость усталъ и имѣетъ н
ду въ подкрѣпленіи. Пойдемъ къ столу,
диміръ Дмитричъ, но прошу не взыскать
простомъ угощеніи панны Маріи.

Она взяла за руку Владиміра и вмѣстѣ
братомъ своимъ пошли въ другую комн

Тамъ виденъ былъ накрытый столъ, богатая серебряная посуда и позолоченые кубки были разставлены въ порядкѣ. Сдобные пироги слоенные, плоды, обваренные въ сахарѣ, всего было вдоволь и все удивляло роскошью. Сладкія вина и ароматный медъ были разносимы изобильно. Русская брага также пѣнилась въ раззолоченной яндовѣ и гордилась на ряду съ винами заморскими. По окончаніи роскошнаго ужина, который продолжался около двухъ часовъ, задумчивый Владиславъ удалился, а панна Марія повела Мстиславскаго опять въ ту же залу, гдѣ передъ столомъ была прервана ихъ бесѣда.

— И такъ, наконецъ я дождалась тебя, неожиданный гость мой! сказала Марія, посмотрѣвъ на Владиміра съ нѣжностію. Давно ты знакомъ душѣ моей. И теперь ты здѣсь, въ угрюмомъ теремѣ Маріи, гдѣ одинъ дремучій лѣсъ раздѣляетъ съ ней тоску и мечтанія.

— По истинѣ, панна Марія, сказалъ Мстиславскій, едва ли многимъ извѣстна эта пустынная, болотистая сторона, и кто бы подумалъ, что въ безпріютномъ лѣсу найдешь богатый теремъ и красоту дѣвичью. Окромѣ стрѣлка, потерявшаго путь дорогу, залетнаго сокола, да краснаго звѣря, кто захочетъ заглянуть сюда?

TIGHT BINDING

— Да, правда твоя, Владиміръ Дмитричъ, въ круглый годъ я не видала здѣсь ни одного живаго существа, кромѣ пѣвца, который надоѣлъ мнѣ своею любовью и своими пѣснями.

— Пѣвца?... Какой же это пѣвецъ, панна Марія?

— Мой соотечественникъ, Янъ, сынъ пана Вербольскаго. Въ Краковѣ онъ влюбился въ меня, добровольно преслѣдовалъ меня въ изгнаніи; здѣсь поступилъ въ службу къ царю Борису и не перестаетъ мнѣ докучать своими нѣжностями.

— Для чего же ты не соединила съ нимъ участь свою? тогда бы, можетъ быть ты нашла путь къ спокойствію, къ счастію...

— Путь къ счастію... Ахъ, можемъ ли мы искать счастія въ томъ, чего не раздѣляетъ душа наша? Я не люблю Вербольскаго, онъ чуждъ сердцу моему, но бываютъ роковыя минуты — неумолимыя посланницы судьбы, въ которыя одинъ взглядъ рѣшаетъ участь нашу, и тогда...

Въ это самое время подъ окнами раздался звукъ инструмента.

— Возможно-ли... Чу... слышишь!.. это его серенада, сказала панна Марія, вставъ съ канапе. Онъ каждую недѣлю угощаетъ меня своими пѣснями. Послушай, Владиміръ Дмитріевичъ, послушай, какъ онъ изливаетъ тоску свою.

Она открыла окно. Въ тишинѣ ночи раз-
дались согласные звуки бандуры, и пріятный
голосъ запѣлъ:

Ахъ, скоро ли дождусь я дня
Или завѣтной тихой ночи,
Когда порадуютъ меня
Дѣвицы огневыя очи?..
Летитъ ли въ немъ моя мечта
И пѣснь невинная, простая?..
И улыбнется-ль красота
Пѣвца унылаго лаская?..
Нѣтъ!.. знать пѣвцу, въ землѣ чужей
Придется умереть тоскуя,
Не увидавъ страны родной
И юной дѣвы поцѣлуя!..

Голосъ замолкъ. Владиміръ подошелъ ближе, чтобы увидать пѣвца, въ эту самую минуту яркій лучъ свѣта, прорѣзавшись изъ окна, отразился на тропинкѣ, и можно было замѣтить подлѣ колонны, переломленной бурею, молодаго человѣка въ красномъ полукафтаньѣ, съ бандурой за плечами, который въ ту же минуту скрылся между деревьями.

— Ступай, лукавый пѣвецъ, сказала панна, закрывая окно; бѣги отъ терема Маріи ты не найдешь здѣсь никакой пищи для докучливой любви, ты не воспламенишь къ себѣ души моей... она холодна.. да, холодна къ тебѣ... но она горитъ любовію, она живетъ... только для тебя, Мстиславскій!.. сказала Марія, бросивъ тоскливый, нѣжный взоръ на Владиміра.

TIGHT BINDING

Такъ, я люблю. . люблю съ первой минуты нашего свиданія, и буду любить тебя до гроба, милый юноша!

— Ты любишь меня? вскричалъ Мстиславскій, не помня себя въ жару восторга и сердечнаго волненія.

— Да, душа моя давно указала мнѣ тебя!.. Ты—утѣшитель, посланный къ бѣдной сиротѣ-изгнанницѣ, въ мракъ могилы... я увидала тебя—и вновь земная радость—радость юности улыбнулась мнѣ. Но я надѣялась увидаться съ тобой; я искала и не находила тебя... Среди любопытныхъ глазъ, среди народной толпы могла ли я говорить съ тобой?—Но теперь ты здѣсь, гость ненаглядный, и вѣрно не оставишь въ тоскѣ чужестранку Марію? Но... ты не любишь меня!.. продолжала она, опустивъ глаза, блестящіе слезой; ты не любишь меня, Владиміръ...

— Ахъ!.. нѣтъ я также люблю тебя, люблю больше жизни моей, больше отца и матери!... вскричалъ наконецъ Мстиславскій, не могши болѣе преодолѣвать чувствъ своихъ. Очи твои съ перваго взгляда отняли покой души моей.

— О! пусть же священный, залогъ, драгоцѣннѣйшій для меня всего въ мірѣ будетъ порукой истины словъ твоихъ!

Марія подошла къ столу, вынула изъ се-
ебряной коробочки небольшой медальонъ, на
оторомъ было изображеніе молодой, прекрас-
ной женщины.

— Вотъ портретъ моей матери — сказала она, съ невыразимымъ энтузіазмомъ, прижимая медальонъ къ груди своей; — это одинъ памятникъ, одинъ безцѣнный залогъ, привязывающій меня къ жизни, послѣ невозвратной потери родимой. О! какъ счастливая любима— вотъ первыя слезы радости... я любима!.. Я клянусь имъ до гроба любить тебя, посвятить всю жизнь твоему счастію, даже если нужно для соединенія съ тобой пожертвую обрядами вѣры отцовъ моихъ. Теперь клянись же и ты, Владиміръ, не оставлять Марію и всѣхъ жертвовать для ея спокойствія. Если какія-нибудь препятствія угрожаютъ тебѣ — открой мнѣ душу свою; если же свободенъ, если любишь меня, то клянись жить для своей Маріи!..

Эти слова она сказала такъ торжественно, сила невыразимаго вдохновенія блистала въ пламенныхъ взорахъ и уподобляла ее неземной посланницѣ, жительницы сферы другаго міра!..

Владиміръ стоялъ подобно изступленному; непостижимый огонь пожиралъ всю его внутренность; сильная борьба чувствъ волновала

душу; нѣсколько разъ онъ силился, что то выговорить, но слова замирали на устахъ, и наконецъ сила страсти побѣдила все.

— Клянусь... клянусь жить для тебя одной Марія!.. вскичалъ онъ наконецъ, и въ упоеніи упалъ на грудь юной дѣвицы. Пылкіе восторги ихъ смѣшались, души слились въ одну гармонію наслажденія—это былъ первый мигъ ихъ блаженства!..

Но, ахъ, какъ близокъ часъ упоенія къ заблужденію воли... О!... еслибъ этотъ волшебный сонъ, это фантасмагорія сладкихъ дивныхъ химеръ не пробудила ихъ никогда въ жертву грусти и раскаянія.

Конецъ первой части.

МОГИЛА МАРІИ.

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ II.

Изданіе шестое,

ГЛАВА I.

Народные толки.—Свадьба.—Таинственная нищая.—Суматоха.

Не на радость душѣ дѣвицѣ
Расплетаютъ косу русую...
Не на радость въ терему большомъ
Раздаются пѣсни громкія...

Въ послѣднихъ числахъ сентября мѣсяца, въ тихій лунный вечеръ, густыя толпы народа суетилась вдоль Лубянской улицы. Пожилые люди и молодые боярскіе дѣти, старухи закутанныя въ тѣлогрѣйки и юныя внучки ихъ, всѣ, даже неисключая малыхъ дѣтей, шли поспѣшными шагами къ церкви, но еще большая часть ихъ съ любопытствомъ ухаживала около огромныхъ палатъ боярскихъ, отстоящихъ неподалеку отъ храма. Яркое освѣщеніе въ окнахъ, огни на дворѣ и множество народа во внутренности верхнихъ покоевъ—

все показывало признаки какого нибудь пиршества или увеселенія.

— Позволь спросить, почтеннѣйшій, отчего это здѣсь по улицѣ, какъ въ свѣтлый праздникъ, народъ такъ кишмя и кишитъ?.. Для чего такъ освѣщены эти высокіе хоромы? Не справляютъ-ли здѣсь именинную вечеринку или что другое?

Такъ спрашивалъ толстый боярин, въ высокой шапкѣ и богатомъ охабнѣ, немолодаго купца, который, стоя впереди его, съ любопытствомъ глядѣлъ въ иллюминованныя окна. Купецъ оборотился, посмотрѣлъ пристально на боярина, поклонился ему вѣжливо и отвѣчалъ:

— Здѣсь хотятъ пировать веселую свадьбу, честный господинъ. Да развѣ ты не здѣшній и не знаешь чьи эти хоромы?

— Нѣтъ, любезный! я живу въ Костромѣ и пріѣхалъ сюда только вчера бить челомъ о родовомъ моемъ дѣлѣ, царю Борису Ѳеодоровичу. Чьи же эти палаты?

— Боярина Дмитрія Мстиславскаго. Сынъ его, Владиміръ Дмитричъ, женится на прекрасной, добродѣтельной дѣвицы Софьѣ, дочери боярина Борецкаго. Вотъ сюда въ церковь ихъ

скоро привезутъ къ вѣнцу, а въ палатахъ заготовляютъ пиръ и встрѣчу молодому мужу съ женой красавицей.

— Видно, бояринъ Мстиславскій знатнаго рода и богатство великаго, любо смотрѣть на его палаты:—вишь, горятъ какъ жаромъ облитыя!..

— Да, благословилъ его Господь Своей милостью за жизнь благочестивую и дѣла добрыя. Много золота и добра всякаго. Сынокъ также въ страхѣ Божіемъ возлелѣянъ, и хотя совратилъ было его лукавый съ пути истины... Да, что говорить?.. темны дѣла боярскія... Охохо!.. Купецъ вздохнулъ и замолчалъ.

— Чтожъ такое, пріятель? спросилъ снова пріѣзжій бояринъ. Развѣ случилось что-нибудь? Мое дѣло, вѣстимо, стороннее, а хотѣлось бы узнать... своимъ дѣтямъ въ науку пригодится. Скажи, если можно, любезный, а я привыкъ быть нѣмымъ и безгласнымъ на чужую тайну.

— Если такъ, пожалуй, бояринъ, дѣло не больно важное, только выносить далеко не надо. Вотъ, изволишь видѣть: сердце замираетъ, какъ посмотришь на нынѣшнія господскія свадьбы! Бояринъ Владиміръ Дмитричъ Мстиславскій уже давно сговоренъ съ пригожей боярышней; были сначала какъ двѣ гор-

линки; всѣ глядѣли, не могли нарадоваться, а послѣ чуть было дѣло не разошлось. Вдругъ женихъ началъ пропадать по недѣлѣ и больше безъ вѣсти. Простится съ отцемъ, уѣдетъ, и никто не знаетъ куда. Отецъ плакалъ, сердился, начали подсматривать — и увидѣли, что молодой бояринъ ѣздитъ влѣво отъ Сокольничьяго бора въ дремучій лѣсъ и пробываетъ тамъ неизвѣстно гдѣ, пріѣзжаетъ блѣдный, печальный, какъ будто изъ вражьяго плѣна. Невѣстѣ ничего не говорили; думали, гадали и догадались, что... о Господи!... прости тяжкія грѣхи наши!.. догадались, что у боярина недоброе на умѣ!.. охо!.. и выговорить то страшно!

— Отъ чегоже такъ? Не бойся, договаривай почтенный!

— Вотъ что господинъ — продолжалъ болтливый купецъ тихо и озираясь во всѣ стороны. Вотъ что... За этимъ лѣсомъ, къ Сокольничьей сторонѣ, поговариваютъ, будто верстахъ въ пятнадцати, водятся недобрые люди... сирѣчь злые... то есть... лѣсная вольница, а у нихъ вожатый и зачинщикъ какой-то злодѣй инда сказать жутко, по прозвищу .. Чертовъ Усъ!.. Вишь не добрѣе Хлопки Косолапа, что бушуетъ въ Низовой сторонѣ. Ну, вотъ они... Охъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Воля, твоя, больше говорить не стану бояринъ!..

— Что ты? полно пугаться, пріятель! Скажи хоть, чѣмъ же это кончилось?

— А вотъ чѣмъ: старый баринъ одинъ разъ призвалъ своего сына, плакалъ, уговаривалъ спрашивалъ, упрашивалъ — сынокъ ни въ чемъ не признался, но пропадать изъ дому переталъ. Такъ вотъ и уладили ихъ подъ вѣнецъ, а что впередъ будетъ никому не знамо! Сказавши сіи слова, купецъ приподнялъ шапку, поклонился и проворно скрылся въ густотѣ толпы.

Между тѣмъ народъ началъ волноваться еще болѣе: многіе изъ толпы побѣжали внизъ и черезъ нѣсколько времени появился богатый, пышный поѣздъ. Въ раззолоченной колымагѣ ѣхала невѣста, облитая въ золото и унизанная жемчугомъ. За нею слѣдовали нѣсколько родственниковъ обоего пола также убранныхъ со всею пышностію. Жениха провожали молодые друзья его верхами на хорошихъ коняхъ, украшенныхъ дорогими уздами и попонами. Всѣ, составлявшіе процессію, вошли въ церковь, за ними какъ рѣка хлынула толпа любопытныхъ.

Но кто это въ темнотѣ ночной пробирается къ высокой паперти около ограды церковной? Черная, низенькая фигура, страннаго вида, все

приближается; вотъ взошла она на паперть начала молиться, пала ницъ, потомъ встала и сѣла на ступени.

Много народу проходило мимо черной фигуры: всѣ глядѣли на нее внимательно, но она хранила молчаніе.

— Стой?.. куда ты идешь? вскричала наконецъ она, остановя за полу высокаго человѣка, закутаннаго въ желтый, боярскій охабень. Куда?.. въ храмъ Божій? . Назадъ! Туда, гдѣ волкъ рыщетъ въ ночной темнотѣ, злодѣю дорога! Что?.. я испугалъ тебя? Ха! ха! ха...

Желтый человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, испугавшись, остановился и глядѣлъ на черную фигуру въ недоумѣніи.

— А ты что здѣсь проказишь, Васюкъ? сказалъ молодой купеческій сынъ, вбѣжавши на паперть. Зачѣмъ ты держишь боярина? Не дури, а не то знаешь... вѣдь, пожалуй, и бока наколотятъ. Не робѣй, бояринъ, это нашъ юродивый нищій. Дай ему копѣйку, такъ онъ и отстанетъ.

Желтый человѣкъ вынулъ мелкую серебряную монету, бросилъ въ колѣни юродивому, воротился назадъ и исчезъ въ темнотѣ.

— Стинь... пропади твое серебро, окаянный!.. сказалъ нищій, бросивши монету. Добрые добро смышляютъ, а нехристи тенета сплетаютъ. Охо-хо... Вѣнчайтесь золотымъ вѣнцомъ, ребятушки: а то придетъ невѣста незванная въ расплохъ застанетъ. Горе... Послѣ сихъ словъ нищій всталъ, помолился и поплелся внизъ къ задней церковной калиткѣ.

Между тѣмъ кончился вѣнчальный обрядъ и весь поѣздъ отправился въ домъ Мстиславскаго—новое жилище молодыхъ. Въ шумномъ волненіи народъ слѣдовалъ за поѣзжанами. Пріѣзжій, любопытный бояринъ, вслѣдъ за другими продрался во внутренность хоромъ чтобы увидѣть убранство и порядокъ угощенія.

За большимъ накрытымъ столомъ, уставленнымъ сластями, серебряными стопами и винами заморскими, кругомъ сидѣли гости почетные. Первое мѣсто занимали молодые, а тамъ прочіе по старшинству и мѣстничеству. Родственники жениха сами подчивали радушно гостей и непринужденное веселье воцарилось въ свѣтлицѣ.

Между множествомъ зрителей, толпившихся около дверей, ближе всѣхъ и замѣчательнѣе гостямъ былъ желтый боярин, такъ неучтиво остановленный на паперти. Закутавшись, онъ посмотрѣлъ неподвижно на сцену общаго веселья, какъ вдругъ, съ противной стороны, началось волненіе въ народѣ. Женщина, одѣ-

тая въ жалкое рубище, и также закутанная съ ногъ до головы, съ трудомъ продралась къ гостямъ. Остановясь и осмотрѣвшись кругомъ она подошла смѣло впередъ, стала противъ молодаго супруга, распахнулась — и, къ удивленію, всѣ увидѣли подъ одеждой нищеты молодую, прекрасную дѣвушку, чрезвычайно блѣдную, съ блуждающими, пламенными взорами. Владиміръ также поблѣднѣлъ и затрепеталъ при первомъ взглядѣ на незванную гостью.

— Узнаешь ли ты меня?... вскричала грознымъ голосомъ неизвѣстная или душу твою не сожигаетъ пламя раскаянія и угрызенія совѣсти?... Измѣнникъ!.. Пусть супругѣ твоей, пусть всѣмъ будетъ извѣстенъ позоръ и низость души твоей!.. Ты далъ мнѣ клятву вѣчной любви — эта клятва — тамъ!.. но мое мщеніе останется со мной до гробовой доски моей.

— Возьмите, схватите безумную!.. кричали нѣкоторые изъ гостей. Многіе бросились на нее; но желтый человѣкъ, до сихъ поръ стоявшій въ молчаніи, сверкнулъ широкимъ мечемъ изъ подъ охабня и закрылъ собою неизвѣстную.

— Кровью оболью брачную свѣтлицу, если кто осмѣлится тронуть хоть одинъ волосъ ея! — закричалъ онъ голосомъ приводящимъ каждаго въ трепетъ, взялъ за руку незнаком-

ку, безъ всякаго препятствія со стороны устрашенной черни вывелъ ее на улицу—и оба исчезли.

Подобно громомъ пораженному—сидѣлъ молодой супругъ. Софья лишилась чувствъ отъ ужаса, стѣснившаго грудь ея. Родственники и гости были въ смятеніи, зрители разбѣжались, веселый свадебный пиръ рузрушился, разрушились и лестныя надежды будущаго счастія!..

Много страшныхъ и разногласныхъ толковъ носились въ толпѣ, расходящейся по домамъ въ разныя стороны, и долго звучное эхо доносило говоръ буйныхъ до опустѣлой брачной свѣтлицы.

ГЛАВА II.

Уединенный теремъ. Отчаяніе. — Несчастная жертва страстей.

Куда приведетъ меня тѣней незримый,
Сопутница жизни любовь?
Умели не въ свѣтлую райскую область?
—Въ могилу.....

Въ отдаленной, спокойной комнатѣ уединеннаго терема, пустыннаго собесѣдника дремучей глуши, лежала Марія Блондоновская. Блѣдное изнеможенное лице ея показывало всю тяжесть душевныхъ страданій и отсутствіе памяти. Волосы, раскиданные небрежно, глаза мутные, блуждающіе, и по временамъ взпыхиваюшіе огнемъ невѣдомой страсти, все приводило въ содроганіе при взглядѣ на несчастную жертву.

Въ головахъ постели страждущей сидѣлъ блѣдный, печальный братъ ея, юный Владиславъ, котораго какъ казалось, убивали страданія милой сестры, единственнаго друга, ос-

тавленнаго ему судьбой отъ всего земнаго! Въ ногахъ виденъ былъ Янъ Вербольскій, также грустный, разстроенный, со слезами, нависшими на рѣсницы.

Но какимъ же образомъ явился этотъ отчужденный искатель, этотъ докучливый пѣвецъ въ теремѣ панны Маріи?.. Ахъ!.. онъ — вѣстникъ погибели, онъ — вѣщій воронъ въ тиши укромнаго жилища!.. Съ самаго начала знакомства Владиміра съ Маріей, Вербольскій преслѣдовалъ ихъ тайныя свиданія, слѣдилъ за неопытнымъ, пылкимъ юношей, наблюдалъ всѣ его движенія и, узнавши о предназначенной свадьбѣ, съ злобною радостью невѣстиной соперникъ явился къ бѣдной Маріи, которая ожидала своего друга послѣ долгой разлуки и открылъ несчастной дѣвушкѣ страшную истину. Марія вѣсть роковую сочла клеветою, захотѣла сама увѣриться, подъ наблюденіемъ Яна отправилась изъ терема,— остальное намъ извѣстно.

Сильно убилъ нежданный ударъ чувствительную, пылкую душу дѣвушки!.. Съ самаго младенчества жалкой игрой судьбы, будучи отчуждена невинныхъ радостей, она какъ сорванный цвѣтокъ, изнывала подъ бременемъ страданій. Безнаміятство, сильный, воспалительный бредъ, овладѣли ею въ теченіи нѣсколь-

кихъ дней, и порывистыя движенія прерывали изрѣдка мрачное молчаніе, царствовавшее въ теремѣ.

— Гдѣ онъ?.. гдѣ... говорила Марія простирая руки. Ищите... ищите его друзья мои!.. Ахъ!.. нѣтъ, нѣтъ!.. пусть его покоится у груди вѣроломной!.. Онъ живетъ не для меня... О!.. какъ я горю... горю... Ахъ!.. это вы мои родители!. это ты, Владиславъ!.. потушите... потушите пламя души моей!..

— Опомнись, успокойся милая сестрица!. говорилъ со слезами юный Владиславъ, поддерживая голову страждущей. Неистовый бредъ продолжался.

— Молитесь, любезный Владиславъ... будемъ просить объ утоленіи ея мученій душевныхъ, сказалъ Варбольскій. Ахъ, какъ жаль что здѣсь нельзя найти ксендза, который бы пролилъ въ душу ея христіанское утѣшеніе!..

Но страданія больной не прекращались вмѣстѣ съ утомительнымъ бредомъ ея. «Крови!.. да принесете мнѣ напиться крови его!.. кричала исступленная. О! какъ сладко мщеніе... вѣчное мщеніе!..»

Долго стояли въ ужасѣ и недоумѣніи, со слезами состраданія и теплой молитвы, надъ постелью бѣдной жертвы. До самаго вечера продолжался неистовый бредъ, и страшныя

грезы не оставляли несчастной, но съ наступленіемъ ночной темноты буйные порывы уменьшились, взоры Маріи казались нѣсколько спокойнѣе. Окинувши глазами со вниманіемъ всѣ предметы, какъ бы послѣ пробужденія отъ томительнаго сна, она приподнялась немного и сказала слабымъ голосомъ.

— Оставь меня, милый братъ!.. оставьте меня... я чувствую.., тяжкій сонъ клонитъ мою голову.. я дремлю.., дайте мнѣ минуту успокоенія!..

Повинуясь волѣ болящей Владиславъ съ Вербольскимъ тихо вышли изъ комнаты, и въ ближней залѣ рѣшились отдохнуть, препоручивъ старому слугѣ позвать ихъ, при первомъ требованіи, къ постели Маріи.

Между тѣмъ страждущая, по выходѣ ихъ, нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ казалась погруженную въ тихій, летаргическій сонъ; но за нимъ вполнѣ послѣдовало пробужденіе. Марія открыла глаза, посмотрѣла кругомъ встала, совершенно твердыми шагами прошлась по комнатѣ и, накинувши на себя верхнее платье, тихо вышла вонъ. Слѣдуя черезъ всѣ комнаты съ большой осторожностію, она вышла изъ терема, и только стукъ послѣдней двери пробудилъ ея наблюдателя, спокойно дремавшаго на стулѣ. Встрепенувшись старикъ

тотчасъ вошелъ въ комнату больной, и, не нашолъ ея на постели, испуганный, побѣжалъ разбудить господъ своихъ.

Въ ту минуту Владиславъ и Янъ Вербольскій вбѣжали въ комнату. Удостовѣрившись въ истинѣ словъ стараго слуги, и не зная, куда такъ внезапно скрылась страдалица они тотчасъ побѣжали искать ее обошли кругомъ терема, прислушивались, кликали—не было никакого признака, ни отвѣта. Около часа прошло въ безполезныхъ поискахъ, наконецъ слѣдуя по направленію дорожки, близь небольшаго пруда, заросшаго травою, Владиславъ нашелъ черную мантилью Маріи. Испуганный, трепещущій въ сопровожденіи Яна Вербольскаго, онъ бѣжитъ къ пруду, всматривается: что то бѣлое подлѣ куста нагнувшейся осоки видно было на поверхности пруда. Предчувствіе не обманываетъ молодаго пана... онъ бросается въ воду и, послѣ большихъ усилій съ помощью Вербольскаго, наконецъ удалось ему вытащить на траву безчувственную Марію.

Какъ описать грусть и отчаяніе нѣжнаго брата? тоску Вербольскаго?.. Съ чрезвычайною поспѣшностію юная утопленница была принесена опять на постель, согрѣта, и къ счастію черезъ нѣсколько времени наградила старанія признаками жизни. Усилія къ воз-

вращенію чувствъ были удвоены: Марія открыла глаза, но это, казалось, былъ минутный порывъ—искра вспыхнувшая на мгновеніе и готовая погаснуть на вѣки. Обращая слабые мутные взоры вокругъ, и увидя Владислава, она движеніемъ руки подозвала его къ себѣ также и Вербольскаго, и долго смотрѣла на нихъ. О, какъ трогателенъ былъ этотъ взоръ, взоръ безнадежный, выражающій всю борьбу страстей, всю тоску и отчаяніе души убитой!.. Но вотъ яркій румянецъ покрылъ щеки страждущей... глаза начали постепенно воспламеняться, какой-то новый порывъ одушевилъ изнемогающую и собравши послѣднія силы, послѣднюю дань разрушающейся природы, она обратилась къ юному брату:

— Милый Владиславъ! сказала Марія едва слышнымъ, прерывающимся голосомъ. Правосудному Богу угодно было наказать насъ, въ жестокіе дни страданія никто не смѣлъ поругаться надъ честію сестры твоей. Здѣсь вѣроломный очаровательтакъ давно знакомый душѣ моей обольстилъ твою бѣдную Марію... поругался надъ честнымъ именемъ благородной, иноземной дѣвицы, и скрывши обязательства свои на другую, подобно мнѣ несчастную жертву, нарушилъ добровольно данныя клятвы. О, милый братъ мой!.. заклинаю тебя послѣдними минутами моей жизни, и тебя, благородный панъ Вербольскій, если, когда

да-нибудь искра любви ко мнѣ таилась въ груди твоей — пусть воспоминаніе о несчастной Маріи будетъ вашимъ сигналомъ къ мщенію.. мщенію на моей могилѣ... О, мой Владиславъ!.. клянись мстить за юную, оскорбленную сестру твою! Такъ, я увѣрена... ты успокоишь прахъ мой... Я умираю съ сладостною надеждою... прости, другъ мой... пусть онъ...

Тутъ слова замерли на устахъ несчастной. Собравши послѣднюю искру жизни, она взглянула нѣжно, пламенно на своего брата, пожала ему руку и — Маріи не было на землѣ...

Съ горькимъ рыданіемъ повергся бѣдный Владиславъ на охладѣлый трупъ невчастной сестры своей. Вербольскій стоялъ какъ пораженный громомъ; но тѣла усопшихъ безотвѣтны живущимъ, и юная краса не слыхала ихъ стенаній...

Въ ту же самую минуту вбѣжавшій служитель, испуганный, блѣдный, доложилъ, что неподалеко отъ терема слышны грубые голоса, шумъ и буйные пѣсни, а между чащей деревьевъ мелькаетъ огонь. — Встревоженные юноши удостовѣрились что извѣстная шайка

грабителей заняли дремучій лѣсъ, и съ стѣсненнымъ, охладѣлымъ сердцемъ ожидала безъ страха будущую опасность близъ усопшей красавицы, которая, съ спокойствіемъ на лицѣ, казалось, отдавала земной радости, какъ день, послѣднюю улыбку!...

ГЛАВА III.

Набѣгъ буйной шайки.—Неожиданное свиданіе.—Мѣры къ мщенію.

О путникъ!... здѣсь въ толпѣ убійцъ
Нашелъ ты кровнаго и друга!

Какъ безмолвные стражы древняго Индостана, надъ урной, скрывающій прахъ несравненной восточной красавицы, долго стояли молодые люди надъ прахомъ несчастной, юной Маріи. Въ нерѣшимости, они не знали что начать при угрожающей опастности, а тоска и грусть по усопшей отнимали у нихъ послѣднія силы.

Но вотъ яркій свѣтъ, подобно быстро разлившемуся пожару, озарилъ внутренность терема. Всѣ вздохнули. — Шумный, ужасный говоръ голосовъ раздался снаружи, Владиславъ подошелъ къ окну; и чтожъ представилось глазамъ его?.. Подъ окнами запылали два ог-

ромные костра изъ хвороста, освѣщая всѣ окрестности лѣса. На травѣ около костра видна была толпа людей, ужасной наружности, безпорядочно одѣтыхъ, которые съ буйнымъ крикомъ расположились здѣсь греться отъ осенней стужи. Всклоченныя бороды, кровью налитые глаза, безобразіе лохмотьевъ и блескъ оружія—все это приводило въ трепетъ юношу, который, первый разъ въ жизни, былъ свидѣтелемъ ужасной картины. Между тѣмъ какъ большая часть расположились обогрѣться, отдѣлившаяся толпа съ ужаснымъ крикомъ выломала двери въ парадныя сѣни терема и, звукъ шаговъ, смѣшиваясь съ звукомъ оружія былъ слышенъ по переходамъ.

— Гдѣ они?... Давай намъ этихъ затворниковъ!... Этихъ лѣсныхъ соловьевъ!...—кричали буйные грабители, ворвавшись въ комнаты, ломая и раскидывая мебель. Гдѣ ихъ сундуки непочатны? Выгружай сюда, или всѣ померли, что ни одной живой души не видно?

Наконецъ, слѣдуя изъ комнаты въ комнату, они не чувствительно добрались до опочивальни, въ которомъ спала сномъ тихимъ не пробудимъ юная Марія. При первомъ взглядѣ на плачевные останки, они казались нѣсколько изумленными; но скоро прошла первая минута впечатлѣнія, и дикій шумъ замѣнилъ мѣсто содрогательнаго молчанія.

— Ха! ха! ха!... вотъ тебѣ подарокъ, атаманъ! — сказалъ одинъ рыжеватый, малорослый разбойникъ, обращаясь къ высокому черноволосому парню, молодыхъ лѣтъ, съ огромными усами и звѣрскою физіономіей.

— Что шапъ шагнули, — вотъ тебѣ вмѣсто черныхъ соболей мертвое тѣло, да еще какое? Заглядишься!... этакую красоту и въ гробъ то положить жалко! — Охочъ ли ты до мертвецовъ, атаманъ?...

— О, нѣтъ, Баслай, спасибо! До колдуновъ я давно добираюсь, а съ мертвецами дружбы не вожу. Спроси-ка объ этомъ у Бычагипкаго; у него, я думаю, теперь зубы въ лихорадкѣ.

При семъ словѣ атаманъ показалъ на молодаго разбойника, колоссальной стройной фигуры, вооруженнаго съ ногъ до головы, который, не обращая вниманія на шутки товарищей, казалось, съ нѣкоторымъ состраданіемъ разсматривалъ умершую...

— Кто убилъ ее? — спросилъ атаманъ послѣ долгаго молчанія. Жаль бѣдной дѣвушки. Еслибъ жила эта красавица, я бы не уступилъ ни на чью часть такой добычи... Кто убилъ ее?

— Она сама умерла съ печали, — отвѣчалъ Владиславъ. — Вотъ свидѣтель, благородный

Янъ Вербольскій, что ей ни отъ кого не было насилія.

— Янъ Вербольскій... вскричалъ съ живостью молодой разбойникъ, до сихъ поръ разсматривавшій Марію, но теперь какъ бы пробужденный изъ нѣкотораго усыпленія. Ты — Вербловскій?... повторилъ онъ, устремя съ выразительностію свои черные блестящіе глаза на Яна.

— Да, я сынъ пана Юрія Вербольскаго. Чтожъ ты находишь въ этомъ удивительнаго?

— Не былъ ли отецъ твой судьей варшавскимъ. Не онъ ли имѣлъ у Кракова аренду...

— Такъ точно, и мы иногда живали въ самомъ Краковѣ.

— Сынъ благодѣтеля моего... вскричалъ изумленный разбойникъ, бросаясь цѣловать руку Яна.

— Сынъ великодушнаго спасителя, по милости котораго эти глаза еще глядятъ на свѣтъ небесный... О, я несчастный... О, позоръ мнѣ... При сихъ словахъ онъ закрылъ руками лице, на которомъ ясно изображались угрызенія совѣсти!... Но ктожъ ты, непостижимый,

загадочный?... Кто ты облагодѣтельствованный моимъ родителемъ?

— Кто я?... вскричалъ разбойникъ, оправившись отъ перваго смущенія. — Ахъ, не скрою стыда передъ сыномъ моего наставника. — Ты не могъ узнать товарища дѣтскихъ игръ своихъ, отъ младенчества разлученнаго съ тобою; ты не узналъ Виктора Яссельскаго, спасеннаго отъ смерти въ литовскомъ набѣгѣ и вскормленнаго отцемъ твоимъ; — но теперь, въ шайкѣ буйной вольницы извѣстнаго подъ ненавистнымъ именемъ Бычагицкаго .. О... не смотри на меня съ такимъ укоромъ... этотъ взглядъ бросаетъ въ голову всю кровь мою... Пощади меня, Вербольскій..

Вербольскій и Владиславъ въ глубокомъ молчаніи и съ чувствомъ душевнаго сожалѣнія смотрѣли на молодаго разбойника.

— Атаманъ!—продолжалъ Бычагицкій, обратясь къ злодѣю, извѣстному подъ именемъ «Чертова Уса», ты знаешь мои заслуги; въ нашемъ буйномъ кочевьи не одинъ разъ спасалъ жизнь твою. Теперь цѣною крови требую отъ тебя не дѣлать здѣсь никому обиды; нетрогать имѣнія сына моего благодѣтеля!

— Здѣсь нѣтъ ни одной нитки изъ моей собственности!» – отвѣчалъ Янъ Вербольскій – здѣсь все принадлежало усопшей дѣвицѣ, а теперь...

— Пусть принадлежитъ имъ!—сказалъ Владиславъ, указывая на разбойниковъ. Для меня ничего не надобно на землѣ; все ваше, если только поможете мнѣ въ дѣлѣ благороднаго мщенія... А тамъ... я надѣюсь скоро... увидѣться съ нею!..

— О... если дѣло пошло руки нагрѣвать, то мы хоть въ огонь, хоть въ воду готовы... Извольте, сослужимъ тебѣ службу, бояринъ!— сказалъ атаманъ съ дикой улыбкою. Товарищи!—ступайте соръ выметать, а мы похоронимъ эту красавицу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Въ ту же минуты разбойники, положа на столъ, вынесли изъ терема на плечахъ умершую, и противъ самаго крыльца, подъ вѣтвями высокаго тополя, холодная могила скрыла останки прелестной панны. Вмѣсто радушныхъ родственниковъ, исключая брата и Вербольскаго, проливщихъ искреннія слезы на нее могилѣ, злодѣи съ звѣрскими лицами составляли процессію, и дикій говоръ буйныхъ служилъ вмѣсто погребальнаго пѣнія. Миръ съ тобою, жертва страстей и злосчастія!

Возвратясь въ теремъ, расхищаемый корыстолюбивой толпою Владиславъ съ подробностью разсказалъ атаману исторію несчастной сестры своей; требовалъ содѣйствія его къ мщенію (по его словамъ, благородному и справедливому) и, ослѣпленный корыстью, злодѣй рѣшился на все, поощряя просьбою Бычагиц-

каго, извѣстнаго своей самоотверженной смѣлостью.

— Надѣйся, добрый панокъ, говорилъ атаманъ,—хоть бы на днѣ моря, былъ этотъ боярынъ Мстиславскій, мы оттуда его вытащимъ, и онъ кровью омоетъ могилу сестры твоей. Только надо развѣдать его кочевье; ужъ вѣрно со страха и стыда улетѣла изъ Москвы эта птица; да и намъ въ городъ показаться нелады. А вотъ нашъ разсыльный жидъ Вопша, воротится съ вѣстями, такъ мы пошлемъ его: эта мышь хоть изъ кротовой норы принесетъ языка.

Между тѣмъ какъ атаманъ разсуждалъ, а разбойники таскали нагруженные мѣшки изъ терема, снаружи послышался радостный веселый крикъ и спустя минуту безобразный еврей, низкаго роста, въ бѣдномъ рубищѣ, явился посреди свѣтлицы къ атаману.

— А вотъ и онъ, легокъ на поминѣ!.. вскричалъ обрадованный разбойникъ. Ну, что скажешь новаго, мокрая ворона?

— Все добре, все добре, атамане, я не далече процакалъ добычу!

— Добычу? Вотъ лихо... Ты у насъ рѣдкій жидъ изъ жидовъ, плутъ изъ плутовъ! Гдѣ же—сказывай скорѣе, а тамъ мы тебѣ дадимъ другую работу!

— На третьей верстѣ отъ Сокольнаго вроцыща, въ деревянные хоромы недавнымъ пере-

ѣхалъ съ города бояринъ Мстиславскій: барзо богатый панъ!

— Мстиславскій! его то намъ и надобно!, вскричалъ атаманъ. Слышишь, панокъ,—птица сама въ тенета летитъ. Молодецъ Вопша!. Вотъ этотъ панъ скажетъ тебѣ спасибо. Ну, отдыхайте, ребята!... Засучай рукава на работу!.. Подавай разопьемъ теперь бочку вина боярскаго; уснемъ да съ темной попутницей и въ дорогу къ высокимъ хоромамъ. Не такъ ли, пане Яне?..

Вербольскій сдѣлалъ наклоненіе головою въ знакъ согласія...

ГЛАВА IV.

Сценка подъ Москвою — Обманъ хищниковъ.

О совѣсть, совѣсть? даръ святой,
Награда добрыхъ, злыхъ мученье!..
Блаженъ, кто примиренъ съ тобой!..

. . . . . .

— Горе! Горе сыну, забывающему завѣтные звуки родительскихъ наставленій въ послѣдній часъ жизни! Горе юношѣ, преступающему надежды матери своея!»

Такъ читалъ Мстиславскій въ бурную, осеннюю ночь, въ книгѣ одного мудреца христіанина. Восковая свѣча, какъ бы сообразуясь съ порывами природы, то горѣла чрезвычайно тускло, едва, освѣщая комнату, то вдругъ, вспыхивая, озаряла яркимъ лучемъ окруженные предметы и блѣдное, пасмурное лице Владиміра съ неизгладимой печатью душевнаго мученія — Напротивъ его въ большихъ креслахъ сидѣла молодая супруга, также блѣдная съ полными слезъ глазами. Невыразимая тоска, неугомонная спутница несчастныхъ, какъ казалось, была властеливомъ сердца юной Софьи. Печальныя размышленія съ глубокимъ молчаніемъ, прерывавшимъ изрѣдка чтеніе, дѣлали такую тишину, что запоздалый пришлецъ подумалъ бы перенесеннымъ себя въ область безотрадной могилы.

— Горе сыну, расточающему богатства отца, отклоняя ухо свое отъ стона сираго и вдовицы... Горе мужу, разрушающему спокойствіе жены своея, источающему слезы изъ очей цѣломудренной подруги!» —продолжалъ Владиміръ—и расительная правота изрѣченій заставили прервать чтеніе.

— Ахъ... какъ священны, какъ истинны слова мудраго... сказалъ онъ склоня голову.— Какъ сладко быть утѣшителемъ подруги своей, отцемъ дѣтей своихъ, и какъ тяжко преступить заповѣдь, положенную Богомъ и природою... Горе мнѣ... тутъ свѣтлая слеза капнула на книгу, и опять мрачное молчаніе.

— Простишь ли ты мнѣ, другъ души моей... продолжалъ Мстиславскій, простишь ли ты мнѣ моя Софья этотъ ударъ, это неизгладимое пятно, которымъ я омрачилъ день... ахъ .. тотъ драгоцѣнный день первой, завѣтной супружеской любви и радости?

— О! я давно простила тебѣ, безцѣнный мой... сказала Софья, склонивши голову на плечо супруга.— Я люблю тебя!— Душа моя, соединенная съ тобой на вѣки, указала путь къ забвенію твоего проступка. Но молись другъ мой... о упокоеніи моего родителя... молись о его прощеніи... Нежданный ударъ убилъ несчастнаго старца и, можетъ быть, твоего родителя также доведетъ до могилы. Тяжко видѣть слезы раздраженнаго отца... Богъ услышитъ

молитву обращеннаго...—О... еслибъ ты видѣла душу мою, мое раскаяніе... Сладостны непостижимы были чары иновѣрной прелестницы, обоявшей душу мою—но какъ горьки слезы... Ахъ... нѣтъ это слезы возвращенія на путь истинный... Съ этой минуты жизнь моя будетъ безпрерывная мысль о счастіи моей Софьи...

— И пусть общій Отецъ приметъ обѣты твои... сказала Софья, прижавшись къ груди своего супруга.—О, какъ теперь я счастлива...

Въ эту самую минуту сильный стукъ въ воротаю прервалъ тиху бесѣду примиренія супруговъ. Софья вздрогнула; Владиміръ съ безпокойствомъ позвалъ слугу, и, приказавши зажечь фонарь, велѣлъ узнать, кто нарушаетъ спокойствіе семейства въ такую пору.

Слуга спѣшилъ исполнить повелѣніе господина но—ночь была темна, какъ мрачное дно пропасти. Сходя съ крыльца и освѣщаясь фонаремъ, который едва не погасъ отъ сильнаго вѣтра, онъ ясно услышалъ усугубленіе стука въ ворота, смѣшаннаго съ грубыми голосами.

— Кто тутъ? —спросилъ, перекрестясь набожный слуга. Кому нужно въ темную ночь безпокоить боярина... Отойдите съ миромъ...

— Отпирай... отпирай... скорѣе... кричали снаружи голоса, разносимые порывами вѣтра.

— Нѣтъ, не отопру, — возразилъ испуганный служитель — видитъ Богъ не отопру. Добрый человѣкъ по ночамъ не ломится си-

лой въ боярскіе хоромы, а говоритъ доброе слово; злодѣю же и ворогу къ намъ не дорога.—

— Отворяй безъ разговора, пока голова на плечахъ!... кричали опять снаружи.—Отворяй по приказу боярина, Семена Никитича Годунова.

Это ужасное слово, это страшное имя боярина, неумолимаго бича царскаго, боярина въ ту эпоху для многихъ болѣе ужаснаго гнѣвомъ, нежели гнѣвъ Борисовъ—это имя оледенило и приковало къ мѣсту пристарѣлаго слугу. Оправившись отъ испуга онъ едва могъ дойти до палатъ и доложить Владиміру о неминучей бѣдѣ.

Молодые супруги ужаснулись и долгое время стояли въ молчаніи.

— Отопри имъ, сказалъ наконецъ Владиміръ,—отопри, Онисимъ. Пусть войдутъ посланные грознаго боярина.—Если я не совсѣмъ чистъ предъ Богомъ, но я чистъ и правъ передъ моимъ государемъ и владыкой, не боюсь, кары его.

Между тѣмъ стукъ и изступленные крики на дворѣ усиливались.

— Ломай ворота, если добромъ не слушаютъ кричали буйные. Полѣзай черезъ заборъ; только одни трусы гвоздей боятся...

Чтобы предупредить несчастіе, устрашенный слуга вышелъ опять на дворъ и съ тре-

пещущимъ сердцемъ отодвинулъ запоры. Ворота растворились настежь и, при свѣтѣ фонаря онъ съ ужасомъ увидѣлъ большую толпу людей съ подозрительными лицами, совершенно не похожихъ на сыщиковъ Семена Годунова. Большая часть толпы быстро вбѣжала въ палаты.

— Ступай за нами, Владиміръ Мстиславскій! — сказалъ одинъ изъ нихъ, одѣтый опрятнѣе прочихъ. Мы имѣемъ приказъ сейчасъ представить тебя!

— Меня представить?... Но куда?... я не знаю никакой вины за собой...

— И намъ она не больше твоего извѣстна. — Собирайся безъ отговорокъ, если не хочешь ждать насилія!

— Насилія!... Но не ужели я заслужилъ его?.. О, несчастный!..

— Сейчасъ же за нами, говорю я тебѣ... или будешь каяться!.. вскричалъ тотъ же голосъ изъ суровой толпы. Владиміръ долженъ былъ повиноваться.

— Владыко Всемогущій!.. вскричала Софья, ломая руки въ отчаяніи. Куды вы влечете его отъ меня?.. Куда?... О, нѣтъ!.. я не оставлю его... Вы не запретите мнѣ слѣдовать за супругомъ моимъ. Я пойду за нимъ, и пойду, хотя бы на смерть!..

— Это невозможно. Намъ велѣно представить его одного; ты должна остаться. При

сихъ словахъ сильная рука оттолкнула отчаянную; другіе повлекли Владиміра изъ свѣтлицы.

— Прости!.. прости, другъ души моей!... вскричалъ Владиміръ, бросаясь въ послѣдній разъ въ объятія своей супруги. Прости!.. можетъ быть — на вѣки!..

Съ трудомъ отторгнули несчастнаго отъ груди юной Софіи. Въ сопровожденіи суровыхъ стражей, онъ вышелъ изъ терема, и вопль отчаянной супруги его, тщетно призывающей друга въ объятія, далеко разносился по вѣтру.

ГЛАВА V.

Месть совѣсти.—Заключеніе.

Могила, сладостный удѣлъ
И пристань отъ недуга...
Счастливъ, кто радостно летѣлъ!..
Къ тебѣ, какъ въ лоно друга...

Подобно несчастному юношѣ временъ языческихъ, увлекаемому толпою жрецовъ, обрекающихъ его въ жертву неумолимому Чернобогу. Владиміръ Мстиславскій безъ ропота слѣдовалъ за толпой своихъ кровожадныхъ мстителей. Лютая, мучительная грусть замерла въ сердцѣ, какъ тяжкая болѣзнь изнемогающаго страдальца. Тьма ночная, отдаленное завываніе бури въ дубравѣ, крикъ и необузданные порывы вожатыхъ его, ихъ звѣрскія лица, озаряемыя по временамъ тусклымъ свѣтомъ фонаря все это, какъ ужасное мрачное сновидѣніе болящаго, какъ хаосъ нестройныхъ химеръ мелькало въ его воображеніи.

Долго влекли юношу черезъ поля и болотистый перелѣсокъ и наконецъ дремучій лѣсъ, обагренный красноватымъ заревомъ отъ горящихъ костровъ, показался какъ исполинъ передъ толпою.

Владиміръ началъ всматриваться; при входѣ въ чащу лѣса свѣтъ все приближался; взорамъ его открылись знакомыя мѣста и черезъ

нѣсколько минутъ теремъ Маріи, какъ грозный свидѣтель преступленія, какъ неумолимый обвинитель, привелъ въ содроганіе душу юнаго Владиміра.

— Вотъ онъ, атаманъ! вскричалъ одинъ изъ провожатыхъ Мстиславскаго, вотъ тебѣ съ рукъ на руки живьемъ залетная птица!..

Близь крыльца высокаго терема видѣнъ былъ рослый свирѣпый человѣкъ, къ которому относились слова вожатаго. Владиміръ началъ догадываться о своей участи; но — какъ дрогнуло сердце его, когда онъ увидѣлъ подлѣ кровожаднаго изверга — юнаго Владислава и другаго незнакомаго юношу въ польскомъ платьѣ! Съ замирающимъ дыханіемъ въ груди онъ ожидалъ увидѣть и Марію, будучи еще не извѣстенъ о жалкой судьбинѣ страдалицы, но она не показывалась страна вѣчности раздѣляли ее отъ земнаго!.. Между тѣмъ на лицѣ юнаго брата покойной дѣвицы видна была сильная борьба: онъ казалось ослабѣвалъ подъ бременемъ противоположныхъ ощущеній души, какъ вдругъ громкое возваніе Вербольскаго вывело его изъ малодушнаго заблужденія.

— Чтожъ ты медлишь Владиславъ? — вскричалъ Янъ, бросивъ торжествующій взглядъ на Мстиславскаго. Ужели не драгоцѣнны для тебя послѣднія слова сестры твоей?

Владиславъ, какъ бы пробужденный изъ усыпленія, подошелъ къ развѣсистымъ вѣтвямъ

обнаженнаго тополя, близь котораго видѣнъ былъ насыпанный курганъ.

— Радостно встрѣтились мы здѣсь съ тобой въ первый разъ на пути жизни, Мстиславскій! сказалъ Владиславъ; но не упрекай меня, если теперь въ послѣднія минуты, услышишь отъ меня ужасную истину. Какъ неумолимый вихрь, жестокій спутникъ осенней бури, не взирая на вопли умирающей природы, развѣявъ листья, обнажилъ осиротѣлые сучья этой развѣсистой тополи, такъ ложь и коварство твое, оторвавши все милое отъ моего сердца, убили въ цвѣтѣ лѣтъ добрую неопытную сестру мою! Вотъ ея могила! Примирись съ нею если можешь... часъ твой пробилъ!.. Исполняйте волю сестры моей!.

Владиславъ отошелъ въ сторону закрывши лице рукою; два разбойника съ блестящими ножами подошли къ Мстиславскому.— Бѣдный юноша, изнемогающій подъ бременемъ мученій, съ воплемъ бросился на могилу.

— О, прости меня, невинная дѣва!... сказалъ онъ голосомъ, заглушаемымъ рыданіями. Прости меня, Марія! . Я погубилъ твои земныя радости вмѣстѣ съ моими... я наказанъ!.. Ахъ!.. месть совѣсти,—тяжкое наказаніе! Не кидай на меня страшнаго упрека изъ глубины могилы... Примирись со мною, свѣтлая тѣнь!.. О! горе мнѣ... Громкія рыданія совершенно заглушили слова несчастнаго.

Уже блестящій ножъ, по знаку данному Вербольскимъ, былъ занесенъ надъ головою юноши, уже наступила послѣдняя минута жизни его; какъ вдругъ громкій ружейный выстрѣлъ раздался неподалеку; пуля прожужжала — и Вербловскій, подстрѣленный въ грудь, обагрилъ изсохшую траву кровью своею. Другая пуля заставила уснуть сномъ вѣчнымъ начальника злодѣевъ. Владиславъ также палъ тяжело раненный, и громкій крикъ огласилъ окрестность.

— Тушите огни!.. тушите!.. кричали разбойники — заряжайте ружья! Проклятое зарево накликало на насъ земскую дружину!.. Но было ужь поздно. Въ ту же минуту, отрядъ стрѣльцовъ окружилъ буйную шайку; началась жаркая перестрѣлка. Послѣ нѣсколькихъ минутъ сопротивленія, большая часть разбойниковъ легла на мѣстѣ, другіе захвачены подъ стражу, а безчувственный Владиміръ, найденный на могилѣ Маріи, былъ отнесенъ подъ прикрытіемъ стрѣльцовъ во внутренность города вмѣстѣ съ Владиславомъ, который послѣ ужаснаго происшествія только два дня наслаждался жизнію.

1604.

Въ пустынной, угрюмой странѣ южной части Россіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дикая, разно образныя природа невольно располагаетъ душу къ благоговѣнію и небеснымъ мечтаніямъ за дремучимъ лѣсомъ видны еще и понынѣ высокія башни тихой обители мирнаго пріюта благочестія, въ которомъ нѣсколько трудолюбивыхъ монахинь, подъ надзоромъ мудрой настоятельницы, удалившись отъ суетъ міра сего, посвящаютъ уединенную жизнь свою Богу.

Въ первыхъ числахъ іюля 1604 года (ровно черезъ шесть лѣтъ послѣ описанныхъ происшествій), въ тихій вечеръ, по захожденіи солнца, нѣсколько богомольцевъ смиренно шли къ воротамъ монастыря, при звукахъ унылаго колокола, созывающаго православныхъ ко всенощной службѣ.

Въ готической аркѣ наружныхъ воротъ на широкой скамьѣ сидѣла приватница инокиня не молодыхъ, но еще и непреклонныхъ лѣтъ. Съ радушнымъ и благочестивымъ лицемъ она привѣтствовала поклонниковъ, приходящихъ къ обитель, а нищій братіи отъ имени настоятельницы подавала щедрую милостыню.

Между толпой народной, приходящей къ воротамъ обители, подошелъ странникъ, еще во цвѣтѣ лѣтъ, повидимому чрезвычайно убитый страданіями и превратностью жизни. Бѣдное платье, едва защищающее отъ непогоды и небольшая кожанная котомка за плечами, составляли нарядъ его: а чрезвычайное утомленіе отъ труднаго пути, присоединясь къ чувству внутренней скорби, отражалось ясно въ его физіономіи.

Ради Самаго Господа, позволь мнѣ, сестра смиренія, отдохнуть здѣсь отъ утомительнаго перехода!.. сказалъ онъ, низко поклонясь монахинѣ.

Садись и отдыхай съ миромъ!—сказала ласково привратница—а видно издалека Господь принесъ тебя?

— Изъ Кіева отъ святыхъ мощей печерскихъ отвѣчалъ странникъ. Благодарю Создателя, что Онъ привелъ мнѣ грѣшному посѣтить святыя мѣста поклоненія. Теперь ужъ немного остается къ совершенію пути моего, а тамъ недалеко и до гроба!

— Вѣруй и надѣйся!.. сказала привратница съ благоговѣніемъ. А давно-ли ты посвятилъ себя страннической жизни?..

— Шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ тяжкія бѣдствія—орудія испытанія и милосердія Божія отягчили грѣшную голову мою. О!.. достанетъ ли шестилѣтнихъ трудовъ и страданій къ очищенію падшей души моей?..

— Аминь!.. сказалъ рѣзкій голосъ, съ правой стороны. Привратница оглянулась и другой богомолецъ, въ жалкомъ лохмотьѣ съ босыми, изъязвленными ногами стоялъ передъ нею.

— Миръ тебѣ, сестра Евлавія! . сказалъ второй странникъ, обратясь къ привратницѣ. Вотъ и Никита Васюкъ опять пришелъ молиться Заступницѣ. Можетъ быть въ послѣдній разъ!.. Скоро... скоро придетъ незванная... надобно сдружиться и съ совѣстью и съ могилой!.. Чу... ужъ поютъ: «вѣчная память».

Въ самомъ дѣлѣ внутри монастырской ограды послышалось погребальное пѣніе.

— Что это за пѣніе? развѣ здѣсь есть усопшая?.. спросилъ первый странникъ привратницу.

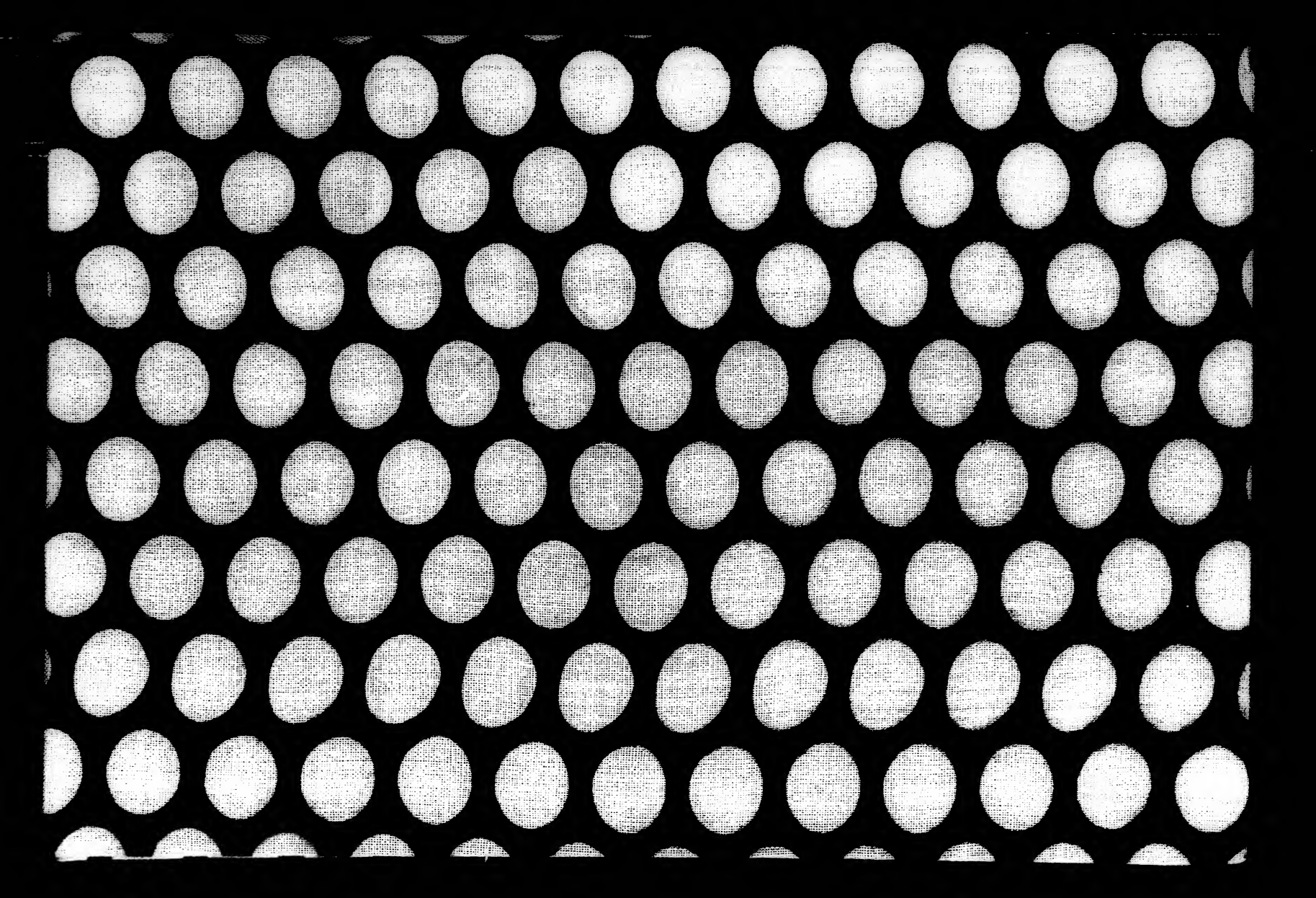
— Точно такъ!—отвѣчала монахиня. «Это выносятъ въ церковь тѣло усопшей сестры нашей Серафимы, которая въ мірѣ нарицалась Софія, боярыня Мстиславская».

— Софія!... моя Софія!!. вскричалъ странникъ, повергаясь на землю. «Такъ!.. я здѣсь нашелъ тебя!.. О!.. прими меня къ себѣ... Милосердіе небесное!.,

Тутъ голосъ замеръ на устахъ страдальца онѣ; казалось въ самомъ дѣлѣ спѣшилъ... къ подругѣ души своей, къ неземной юдоли...

Юродивый молился.

К о н е ц ъ.

W381.5917N-M724

W117151